Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. МАРТЫНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗ ЭПОХИ
II съезда Р.С-Д.Р.П.

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1934

4X314
Z70/98
10.3 P6

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

<Piker, A.S.>

А. МАРТЫНОВ, pseud.
A. S. Martynov.

ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗ ЭПОХИ
II съезда Р.С-Д.Р.П.

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1934

Всемирно-историческое значение II с'езда заключалось в том, что на нем, в обстановке надвигающихся революционных бурь, была основана большевистская партия, партия нового типа, отличная от всех партий II Интернационала, партия, которая одна только способна была, указывая путь международному пролетариату, привести пролетариат царской России к великой Октябрьской победе, к победоносному строительству социализма.

Всемирно-историческое значение II с'езда РСДРП заключалось и в том, что эта партия нового типа, которая вела с самого начала XX в. в российском и международном рабочем движении беспощадную борьбу против оппортунизма и примиренчества, основана была на с'езде в результате раскола с оппортунистами всех мастей, что послужило прообразом будущего великого раскола в международном рабочем движении между Коммунистическим Интернационалом и II Интернационалом.

Раскол в искровском лагере произошел на с'езде, как известно, по организационному вопросу, по вопросу о формулировке § 1 устава партии (о членстве партии), а затем по вопросу о составе ЦК и ЦО («тройка» или «шестерка»).

Этот повод к расколу казался совершенно диким всем вождям II Интернационала, и не только откровенным оппортунистам, но и «ортодоксальным» центристам и даже левым. Итти на раскол, да еще к тому же не из-за программных или тактических разногласий, а из-за организационных, — это чудовищно! Все они единодушно винили за раскол Ленина, его «неуживчивый», его «деспотический» характер, и Павел Аксельрод несомненно выражал общественное мнение всего II Интернационала, когда по поводу обвинения, брошенного Лениным, говорил: «Я никак не могу понять, что это за штука — оппортунизм в организационных вопросах».

Один из вождей II Интернационала и руководитель австрийской социал-демократии, Виктор Адлер, беседуя со мной по поводу раскола на II с'езде партии, говорил с большим раздражением не только о Ленине, но даже о Плеханове, который, дескать, своими «якобинскими речами» в староискровский период «соблазнил» молодого Ленина. (Адлеру, конечно, не дано было понять огромной дистанции, отделявшей с самого начала молодого орла Ленина от будущего меньшевика Плеханова). А после того, как программные, стратегические и тактические разногласия между большевиками и меньшевиками развернулись во всей глубине, «ортодоксальные» вожди II Интернационала еще более резко винили за раскол Ленина, и только его одного. Во время банкета, происходившего по окончании Штутгартского конгресса 1907 г., Бебель подошел как-то ко мне и к Литвинову. Литвинов, который тогда недостаточно владел немецким языком, попросил меня спросить у Бебеля, как он смотрит на наши разногласия. Бебель ответил: «Ах, дети, это у вас детская болезнь. Мы в Германии давно уже эту болезнь пережили в период борьбы эйзенахцев с лассальянцами». Бебель из «вежливости», из желания соблюсти по внешности нейтралитет не раз'яснил, кто же из нас напоминает ему эйзенахцев и кто — лассальянцев. Но не подлежит сомнению, что меньшевики напоминали ему «правоверных» марксистов — эйзенахцев, а большевики — лассальянцев, ненавистных ему по его борьбе с вождем лассальянцев — Швейцером. Даже левый Карл Либкнехт, с которым я лично был очень дружен перед войной, до самой войны не разбирался в наших разногласиях и больше склонялся на сторону меньшевиков. Правда, один раз он высказал мне возмущение проти-

Мартова, именно против его злостной антибольшевистской брошюры, изданной им после январского пленума ЦК 1910 г. Но эта брошюра была написана в столь возмутительном тоне, что даже некоторые меньшевики, в том числе и я, высказались против ее печатания, считая, что она компрометирует, дескать, всю социал-демократию.

«Ортодоксальные марксисты» II Интернационала, в том числе и левая Роза Люксембург, совершенно не хотели понять, как можно было расколоться из-за «оппортунизма в организационных вопросах».

Причины этого непонимания совершенно ясны. Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Он писал: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации». Но так как вожди II Интернационала (и русские меньшевики) никогда на деле не ставили себе целью бороться за власть пролетариата и «перевернуть» капиталистический мир, то они и не могли согласиться с страстной борьбой Ленина за «организацию революционеров», за централизованную, монолитную партию с железной дисциплиной и не могли понять ее.

История раскола на II с'езде известна в нашей партии. Тем не менее призыв Ленина (сделанный им в 1904 г.) к «тщательному и самостоятельному изучению» протоколов II с'езда и поныне остается актуальным. Ленин дал анализ этих протоколов по горячим следам в знаменитой брошюре «Шаг вперед, два шага назад». В этой брошюре Ленин отмел все обывательские сплетни и истерические выкрики, которые меньшевики нагромоздили вокруг вопроса о расколе, вскрыл его глубокий принципиальный смысл. Ленин писал в своей брошюре о разногласиях между двумя крыльями искровцев: «Разногласия, разделяющие то и другое крыло, в настоящее время сводятся главным образом не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам». В настоящее время, писал он, «меньшинство» обнаружило «оппортунизм в организационных вопросах». Но несмотря на то, что Ленин в этот момент сосредоточил огонь на оппортунизме в организационных вопросах, он с гениальной проницательностью пришел уже тогда к выводу, который нашел себе подтверждение в дальнейшей истории, что «большинство» есть революционное, «якобинское», а «меньшинство»—оппортунистическое, «жирондистское» течение в международной социал-демократии.

Ленин в той же брошюре показывает, как возник раскол в лагере искровцев. На основании самого тщательного анализа голосований на частных совещаниях организации «Искра», на основании протоколов II с'езда партии (июль—август 1903 г.) и протоколов с'езда Заграничной лиги русской социал-демократии (октябрь 1903 г.) он показывает шаг за шагом, как разворачивалась борьба на с'езде между искровцами, с одной стороны, антиискровцами и болотными центристскими элементами — с другой, как наконец «мягкие» искровцы, сделавшие на с'езде крупные оппортунистические ошибки, очутились в плену у антиискровцев и болотного центра и как они, «мягкие» искровцы, после этого все больше и больше погружались в болото оппортунизма.

Важно при этом отметить одно обстоятельство. Ленин, излагая историю «грехопадения» искровских вождей из «меньшинства», не рассказывает в своей брошюре о серьезных принципиальных разногласиях, которые, как нам теперь стало известно, были у него с Плехановым еще до с'езда по ряду вопросов, в особенности при выработке проекта программы, и которые чуть ли не привели уже тогда к расколу. Равным образом в ней не упоминается, что уже в доискровский период у Мартова и Аксельрода бывали большие шатания (вспомним проредактированную Мартовым брошюру «Об агитации», в которой, наряду с правильными указаниями на необходимость перейти от пропаганды к массовой агитации, имелись уже зачатки «экономизма», и ряд статей Аксельрода 1899 г.).

Но в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин, говоря о грехопадении меньшевиков на II с'ез-

...е, конечно не случайно, а намеренно не углублялся ... прошлое. И ссылки его на недавнее единство в основ-...ом искровском ядре, на «нас, искровцев», на «наши ...скровские организационные принципы» объясняются ...е только хорошо известной скромностью Владимира ...льича, который сплошь и рядом говорил «мы» в та-...их случаях, когда он имел полное право говорить «я».

Надо иметь в виду, что брошюра «Шаг вперед, два ...ага назад» была написана на злобу дня, по горячим ...ледам, сейчас же после раскола, с определенной так-...ической целью. Надо иметь в виду, что вопрос орга-...изационный был тогда главным звеном, за которое ...ужно было ухватиться, чтобы овладеть всей цепью.

Ленин в своей брошюре исходил из того, что «Искра» ...воевала себе огромный заслуженный авторитет и что ...ередная задача заключалась тогда не в том, чтобы ...скрывать разногласия внутри старой «Искры», а в том, ...тобы разоблачить отход меньшевиков от старой ...Искры». Ленин доказывал, что искровцы «меньшин-...ва» сжигают то, чему они сами же недавно поклоня-...ись, что они изменяют тем искровским принципам, ...торые они сами же недавно признавали.

Ставя вопрос об истоках оппортунизма меньшеви-...в, мы, однако, можем спросить: «А были ли Плеханов, ...артов и Аксельрод вообще когда-либо последователь-...ыми искровцами? Не светили ли они и в период ста-...ой «Искры» в большей или меньшей степени отражен-...м от Ленина светом? Не торчали ли у них и в первую ...оловину с'езда кончики меньшевистских ушей?» Несо-...ненно, что на все эти вопросы мы должны ответить ...твердительно, ибо последовательным искровством с ...мого начала был ленинизм и только ленинизм.

●

Я лично благодаря особому положению, которое я за-...мал на с'езде, стоя в стороне от искровского лагеря, ...ке в первую половину с'езда и даже с самого начала ...о, начиная с инцидента с Организационным комите-...м, заметил на основании речей искровцев и в част-

ности на основании их различного отношения ко мне, что искровцы, несмотря на их, казалось бы, дружные и солидарные выступления, не представляют собой однородного целого, что Ленин, Павлович-Красиков и другие, шедшие до конца с Лениным,—это одно, а Плеханов, Аксельрод, Мартов—это другое.

Чтобы читателю ясно было, через какие очки я смотрел на борьбу на с'езде, я должен остановиться на той позиции, которую я занимал на с'езде, и на том, как я к этой позиции пришел; это тем более важно, что в деле формирования меньшевистского направления имелась и моя немалая «заслуга».

Я — бывший народоволец в прошлом, не только занимавшийся подпольной работой (в военной и рабочей организации «Народной воли»), но и участвовавший в открытых политических выступлениях (уличная демонстрация в Петербурге в день 25-летия со дня смерти Добролюбова, там же демонстрация в Александринском театре против пьесы князя Мещерского, которую похвалил царь, организация сопротивления царской полиции в Москве в 1889 г., вплоть до постройки баррикады в Бутырках, и т. п.).

Результатом этой деятельности была десятилетняя ссылка (Средне-Колымск, Якутск, Киренск). Вернувшись из ссылки в 1899 г. уже социал-демократом, я поселился в Чернигове, чтобы иметь возможность наезжать нелегально в близлежащий Киев, куда въезд мне был воспрещен. Чернигов в то время был гнездом земского либерализма. Промышленного пролетариата в Чернигове не было, а среди ремесленников еще только начало зарождаться рабочее движение. Устроить стачку значило тогда на языке черниговских ремесленников — действовать «по-гомельски». Мещанский Гомель был таким образом для Чернигова центром рабочего движения. Но среди демократической интеллигенции Чернигова в то время уже сложилось довольно сильное марксистское течение, с которым конкурировало более молодое, только возникшее и еще не оформившееся эсеровское.

Когда я приехал в Чернигов, я узнал про начавшуюся в германской социал-демократии борьбу между Каутским и Бернштейном. Я на это сейчас же реагировал, переведя на русский язык, напечатав на мимеографе и распространив по адресам читателей городской библиотеки ответ Каутского Бернштейну. В то же время в связи с ревизией марксовой теории кризисов, начатой легальными «марксистами» — Булгаковым, Струве и К°, я написал статью против Струве — «Теория кризисов и эволюция ренты». Эта первая моя публицистическая статья ходила по рукам в Чернигове и Екатеринославе. После я ее показывал за границей Плеханову и Каутскому. Но она не была напечатана в России потому, что я был арестован через несколько месяцев и не успел ее продвинуть.

Конечно, я в этой статье не критиковал Булгакова и Струве с последовательных марксистских позиций. Но самый факт моих выступлений против Бернштейна и Струве характерен для моих «благих» намерений в те годы.

В Чернигове я прочитал уже упомянутую статью Аксельрода «Историческое положение и взаимоотношение либеральной и социалистической демократии». Ранее, еще до моего ознакомления с марксизмом, я зачитывался Чернышевским, который был самым любимым моим писателем. У Чернышевского (и Добролюбова) я получил большую зарядку презрения к либералам. Прочитав статью Аксельрода, в которой он пытался, но весьма неудачно, поставить проблему гегемонии пролетариата, я пришел к заключению, что он плетется в хвосте у либералов. Но, критикуя Аксельрода за это, я вместе с водой выплеснул из ванны и ребенка,— я отверг не только либерализм Аксельрода, но и самую идею гегемонии пролетариата, очутившись таким образом не слева, а справа от Аксельрода, в ближайшем соседстве с экономистами, которые еще ярче подчиняли рабочее движение либералам, чем Аксельрод.

Куцая либеральная трактовка задач пролетариата в статьях Аксельрода 90-х годов резко отличалась от ре-

волюционной трактовки проблемы гегемонии пролетариата у Ленина, в книге «Что такое «друзья народа» брошюре «Задачи русских социал-демократов».

Ленин в 1894 г. так формулировал задачу гегемонии пролетариата:

«Когда передовые представители его (класса рабочих.— А. М.) усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего... тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский **пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»** [1].

А вот как через 5 лет, в 1899 г., формулировал задачи пролетариата П. Аксельрод:

«Авангард пролетариата должен систематически выступать как передовой отряд демократии вообще». Русские социал-демократы должны в настоящее время **«подчеркнуть общенациональную историческую миссию его** (пролетариата) (подчеркнуто мною.— А. М.) в современной России». «С приобретением... пролетариатом влияния... импульсы будут исходить из среды революционного, борющегося народного класса и станут удобной почвой для постоянного **воздействия и своего рода союза между организованным авангардом этого класса и передовыми свободомыслящими кругами буржуазии»** (Подчеркнуто мною.— А. М.)[2]. У Аксельрода дело сводилось к тому, что либералы—«голова нации, но на данном этапе они «не в силах самостоятельно бороться с абсолютизмом», «политически бессильны»,—отсюда решающая роль пролетариата в революции. Пролетариат — «класс, обещающий наибольшие успехи революционному движению». Но пролетариат «стоит

[1] **Н. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., т. 1 стр. 200 изд. 3-е.**

[2] **П. Аксельрод, Историческое положение и взаимоотношение либеральной и социалистической демократии в России», «Работник» № 5—6 за 1899 г., стр. 62—66.**

еще на слишком низкой ступени культурного развития... ему недостает еще политических знаний и опытности». Все это он может воспринять только от либералов. Отсюда — победа революции будет результатом взаимодействия пролетариата (физической силы революции) и либералов (мозга революции).

Таким образом, слова о руководящей, передовой роли пролетариата (т. е. как будто бы о гегемонии пролетариата в революции) прикрывали у Аксельрода стратегию, отводящую пролетариату руководящую передовую роль... по таскániю каштанов из огня для либералов. Комментарии тут излишни.

Скат Аксельрода к этой позиции Ленин вскрыл еще в своем письме к Потресову в январе 1899 г. В этом письме, давая оценку другой, более ранней, работе Аксельрода — «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», Ленин писал (необходимо учесть, что письмо, посланное Лениным из сибирской ссылки, по необходимости написано эзоповским языком), что Аксельрод «в двух отношениях перегнул палку в другую сторону: во-1-х, воюя против экономистов, он оставил в стороне практические, ближайшие требования, важные и для индустриальных рабочих... и пр. Во-2-х, он воевал против абстрактного, пренебрежительного отношения к умеренно-прогрессивным элементам (это справедливо, что вовсе ими пренебрегать отнюдь не доводится, что их надо утилизировать) и как бы затушевал этим самостоятельное и более решительное положение, занимаемое представляемым им движением»[1], т. е. затушевал руководящую роль пролетариата.

Оттолкнувшись от Аксельрода, я пошел не к Ленину, а к экономизму. Этот путь к экономизму, впоследствии, через три года, нашел отражение в моей уже прямо экономистской статье «Социал-демократия и рабочий класс»[2], посвященной разбору двух течений в

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 15.
[2] Приложение к «Рабочему делу» № 11.

русской социал-демократии (искровского и рабочедельского). Исходной точкой своего анализа в этой статье я взял ту же самую критику аксельродовщины, которую я развивал в 1899 г. в Чернигове.

Чтобы вскрыть корни разногласия между искровцами и рабочедельцами, я начал с об'яснения того, «почему герценовское влияние в 60-х годах быстро пошло на убыль, а из социализма, связанного с личным протестом разночинца, выросло все последующее революционное движение 70-х годов». «Этот знаменательный факт, — писал я, — дал нам двойной урок. Во-первых, он показал нам, что **политическая агитация в русской литературе, которая не ведется от имени угнетенных слоев народа и рассчитана прежде всего на сочувствие либерального общества, лишена революционного значения...** Этот урок до сих пор сохраняет свою силу, потому что до сих пор русский либерализм не изменил своей бесславной традиции... Другой урок... **Если угнетенный слой народа проникся верой в свою историческую будущность, если он сознал свою силу, то его борьба за свои непосредственные социальные интересы, поскольку они непримиримы с господствующим режимом, имеют глубоко революционный характер. Если даже она почему-либо не облеклась сразу в политическую форму, она фатально примет эту форму»**[1].

И в дальнейшем я пытался доказать (на основе этих как будто левых фраз и путем двойного извращения истины), что «Искра» является будто бы прямой продолжательницей герценовского «Колокола», а рабочедельцы, являясь продолжателями тех, которые руководили экономической борьбой пролетариата, тем самым уже будто бы делали революционное дело, ибо эта борьба будто бы «фатально» (читай: самотеком, даже без воздействия партии и без какого-либо политического оформления, сама собой) приобретает революционный характер.

[1] Мартынов, Социал-демократия и рабочий класс, стр. 6.

В 1899 г. я из Чернигова переехал в Екатеринослав[1]. Екатеринослав в отличие от Чернигова представлял собой уже тогда крупный промышленный центр, в котором имелись большие заводы — Брянский завод (ныне завод им. Петровского), Каменский завод, Нижнеднепровский и др. 1899 г. был годом под'ема тяжелой промышленности в Екатеринославской губернии. Рабочее движение в Екатеринославе в эти годы пережило перелом не только от стихийности к организованности, но перешло также от экономической борьбы к политической. Когда я приехал в Екатеринослав, екатеринославский «Союз борьбы», согласно постановлению первого с'езда партии (конец 1898 г.), уже был переименован в Екатеринославский комитет РСДРП. Наряду с комитетом РСДРП, имевшим нелегальную типографию и развивавшим большую массовую работу, в Екатеринославе имелась еще интеллигентская «Группа РСДРП», оторванная от масс, занимавшаяся преимущественно пропагандой и находившаяся в оппозиции к комитету.

В комитет входили Исаак Христофорович Лалаянц, его жена Прасковья Ивановна Лалаянц, Машицкий, Мика Цхакая, Гинзбург («Андрей»), рабочий Лавринович, Левкович и др. Во главе комитета стоял Исаак Лалаянц, который знаком был с Лениным по Самаре в 1893 г. и который во время моего пребывания в Екатеринославе ездил на свидание к Ленину в Москву. Впоследствии он стал видным большевиком, а потом по неизвестным мне причинам ушел из партии. В «Группу» же входили Полонский, Чуйков, Микушевич и др.

Екатеринославский комитет, к которому после 1 с'езда партии перешла руководящая роль на юге России, принадлежавшая раньше киевскому «Союзу борьбы», имел более определенную политическую окраску, чем киевский и другие комитеты. Он занял позицию против экономизма «Рабочей мысли». Екатеринославский комитет выпускал прокламации не только экономического, но и политического характера. По поводу назначения военного суда над польскими товарищами Екатеринославский комитет выпустил прокламацию (написанную Мартовым), которая распространена была во многих городах в 14 тыс. экземпляров. В конце 1899 г. он основал газету «Южный рабочий». После выхода первого номера «Южного рабочего» верхушка Екатеринославского комитета поставила вопрос о превращении «Южного рабочего» из органа Екатеринославского комитета в южный областной орган. Одновременно и в связи с этим верхушка комитета попыталась начать об'единение партии на основе предварительного образования областных организаций и созыва об'единительного партийного с'езда.

Газета «Южный рабочий» с самого начала выдвинула на первый план борьбу с царским самодержавием (как она вела эту «борьбу» — мы увидим дальше) и в этом отношении отличалась от других нелегальных социал-демократических газет и листовок, издававшихся в то время в России различными комитетами РСДРП, еще в большей или меньшей степени зараженными неприкрытым экономизмом (например от газеты киевского комитета партии «Вперед»). «Южный рабочий» был популярной рабочей газетой, рассчитанной на массового читателя, предназначенной специально для рабочих юга России, для рабочих металлургических заводов и шахтеров, движение которых в 1898 — 1899 гг. выливалось еще в форму стихийных бунтов, сопровождавшихся разрушением машин, поджогом заводских построек, избиением мастеров и т. д., как это имело место на Брянском заводе в Екатеринославе, в Юзовке, в Мариуполе и в других местах. Чтобы судить о первых номерах «Южного рабочего», надо учитывать, что это была не общерусская газета, а популярная рабочая газета, предназначенная для читателя, стоявшего еще на низком уровне развития.

Однако, даже учитывая это, надо признать, что газета, несмотря на то, что она была лучше многих других, не только не стояла на высоте тех задач, которые

[1] Ныне — Днепропетровск.

жизнь выдвигала тогда перед партией (и которые в то время в России осознал лишь Ленин, вернувшийся тогда из ссылки, и небольшая возглавленная им инициативная группа, подготовлявшая издание «Искры»), но и немногим **по существу** отличалась от заграничного «Рабочего дела».

Даже элементарной марксистской выдержанностью «Южный рабочий» не отличался. Чтобы дать представление о том уровне, на котором стоял «Южный рабочий», я кратко изложу программную передовицу первого номера газеты, написанную, насколько мне известно, Сергеем Харченко, но тщательно проредактированную, по свидетельству т. Миха Цхакая, всем Екатеринославским комитетом.

В передовице первого номера «Южного рабочего» описывается, как капитализм проник на юг России, какие чудовищные формы там приняла эксплоатация рабочих, как накопившаяся у рабочих злоба прорывалась в стихийных бунтах. Чтобы направить рабочих на путь организованной борьбы, передовица указывает на пример рабочих Западной Европы, условия жизни которых были несравненно лучше, чем в России, которые пользовались, в отличие от русских рабочих, известными политическими правами и которые добились этого «не потому, что хозяева к ним лучше относятся, а также не вследствие дружелюбного к ним расположения правительства, а... трудной и упорной борьбой». Зовя рабочих итти тем же путем, передовица указывает на преимущество стачек перед стихийными бунтами, но тут же соскальзывает на оппортунистические рельсы. Передовица говорит:

«Она (стачка) является пугалом для всех капиталистов, так как каждый день ее чувствительно отзывается на их карманах... Всякие беспорядки, погромы для них гораздо выгоднее, так как тогда они могут призвать себе на помощь своих усердных защитников, полицию и войско, тогда как чем спокойнее мы будем держать себя, чем тверже и единодушнее мы будем настаивать на удовлетворении своих требований, тем меньше у них

поводов обращаться к защите пуль и штыков, тем труднее им справиться с нами, тем скорее мы добьемся своего и тем больше обеспечена за нами победа».

Таким образом, вместо того чтобы ударить по бессмысленности разрушения машин и поджогов заводских построек, газета выступает против насильственного столкновения с полицией и войсками, считая возможным достижение победы мирным путем. Далее передовица говорит, что рабочие не должны ограничиваться частичными экономическими требованиями. Рабочие должны бороться «не только за все это, но и за приобретение тех прав, которые облегчат нам борьбу с капиталистами и облегчат нам победу над ними. Русский рабочий лишен всяких прав: его давит не только прямой его эксплоататор—капиталист, но целая бездна остатков крепостных порядков... В то время как европейский рабочий в своей борьбе пользуется такими широкими правами, как право стачек, союзов, собраний... у нас такими правами пользуются лишь фабриканты да землевладельцы...».

Затем передовица разъясняет, что источником этого бесправия рабочих является царское самодержавие, низвержение которого есть «жизненная задача рабочего класса»; но характеризуя царское самодержавие, передовица сбивается на либеральную позицию, замазывая классовую природу царского самодержавия как власти феодалов-крепостников, помещиков. Передовица говорит: «И такие порядки могут существовать лишь потому, что в России вся власть находится в руках одного человека, единственным источником законов в России являются не нужды и потребности народа, а исключительно одна его самодержавная воля. А кого защищает этот неограниченный властелин, самый крупный фабрикант и богатейший земельный собственник, рабочие сами испытали на своей шкуре. Поэтому и борьба с этим правительством богачей и эксплоататоров, стремление к его низвержению и завоевание себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса России, задачей не менее насущной и жизненной, как и во-

прос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы».

В заключение передовица, говоря о конечной цели борьбы, опять сбивается с верного пути и подменяет четкое понятие социализма демократической фразой: «А для выполнения этой задачи... необходима всероссийская рабочая партия. Соединим же с этой партией мы свои стремления, станем под ее красное знамя на защиту своих прав, на обеспечение себе лучшего положения, на установление на земле лучшего положения, на установление на земле царства справедливости, свободы и братства (подчеркнуто мною.—А. М.) и вместе с рабочими других мест России, вместе с рабочими всего мира подхватим боевой клич, который родился 52 года тому назад в Европе... «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

И. Х. Лалаянц, стоявший в то время во главе Екатеринославского комитета, в своей книжке «У истоков большевизма. Воспоминания старого большевика», изданной в 1930 г., писал о «Южном рабочем»: «Газета, будучи составлена достаточно популярно, имела в то же время по своему содержанию характер ярко классовый, политический и предназначалась для обслуживания не только екатеринославского движения, но и других городов промышленного юга». Мы видели, что о «ярко классовом характере» «Южного рабочего» можно было говорить только с известными оговорками. Дальше автор воспоминаний говорит: «Помимо тех причин, на которые я только что указал, создание такого органа настоятельно вызывалось необходимостью борьбы с теми оппортунистическими течениями в вопросах классовой борьбы и рабочего движения, которые с той или иной степенью яркости и откровенности находили свое выражение в известном «Credo» и на страницах периодических нелегальных органов, как «Рабочая мысль» и «Рабочее дело», и в ряде брошюр, листовок и прокламаций местного характера»[1].

[1] И. Лалаянц, У истоков большевизма, стр. 53—54.

Верно то, что «Южный рабочий» сам не был заражен открытым экономизмом и что екатеринославский комитет, приступивший к изданию «Южного рабочего», бойкотировал крайне экономистскую газету «Рабочая мысль». Но совершенно неверно, будто на страницах «Южного рабочего» велась борьба с оппортунизмом с экономизмом. На протяжении 9 номеров «Южного рабочего», выходивших в течение трех лет (1900, 1902 гг.), не было ни одной статьи, ни одной фразы направленной против оппортунизма, ни разу в этих номерах не употреблялось даже слово «экономизм». Это слово впервые упоминается в предпоследнем, десятом номере «Южного рабочего», вышедшем в декабре 1902 г. уже после того, как «Искра» провела сокрушительную кампанию против экономизма. Что же касается экономистского «Рабочего дела», то «Южный рабочий» поддерживал с ним долго дружеские отношения. Редакция «Рабочего дела» переиздала на пишущей машинке главные статьи из первого номера «Южного рабочего» для ознакомления учащейся молодежи за границей с «проявлениями революционно-социалистической мысли и рабочего движения в России». (Эти перепечатанные редакцией «Рабочего дела» статьи хранятся теперь в институте Ленина.) Точно так же, когда группа «Южного рабочего» взяла на себя инициативу созыва с'езда, она снеслась для этого между прочим и с «Рабочим делом». Из всех приглашенных на не состоявшийся с'езд в Смоленске явились только два бундиста и один делегат от «Рабочего дела»[1].

Тот факт, что сравнительно более «политическая» социал-демократическая газета, издававшаяся в России в 1900—1901 гг., не считала нужным на своих страницах вести борьбу с оппортунизмом, показывает, как мало еще в то время местные социал-демократические работники осознали, в чем заключаются насущные

[1] См. Гинзбург, Воспоминания. «История екатеринославской социал-демократической организации», стр. 169, Екатеринослав 1923 г.

адачи партии, показывает, что единственными, кто сознал эти задачи в России в то время, были Ленин и го очень немногочисленные единомышленники. Различие между группой «Южного рабочего», с одной стороны, и Лениным, организовавшим тогда основную ячейку будущей искровской организации, — с другой, можно проследить на их тогдашнем отношении к объединению партии и к созыву II с'езда партии.

От екатеринославского комитета и группы «Южного рабочего», возглавлявшей екатеринославский комитет, исходила инициатива созыва нелегального с'езда партии в России. На эту инициативу не откликнулся в то время, в 1900 г., ни один социал-демократический комитет в России. Харьковский комитет не откликнулся потому, что не изжил еще кустарнических методов работы и боялся провала, киевский же и другие комитеты — потому, что они еще стояли в большей или меньшей мере на позиции экономизма. Этот факт, о котором подробно рассказывает в своих воспоминаниях один из инициаторов созыва нелегального с'езда в России А. Гинзбург, является новым подтверждением того, что екатеринославский комитет в то время занимал сравнительно более передовую позицию, чем другие комитеты нашей партии. Но достаточно сопоставить, как группа «Южного рабочего», с одной стороны, Ленин — с другой, в то время мыслили себе объединение партии, чтобы убедиться, до какой великой степени и «передовой» екатеринославский комитет отставал от Ленина в этом, как и во всех других вопросах.

Инициаторами созыва нелегального с'езда в 1900 г. были Гинзбург и Лалаянц, инициатива которых была поддержана всем екатеринославским комитетом. Для предполагавшегося второго с'езда Гинзбург составил проект «статута партии», т. е. организационного устава партии, построив его на принципе двухстепенного централизма (об'единение снизу, об'единение комитетов вначале в областном масштабе, а затем об'единение областных комитетов под руководством центрального

комитета). Этот план организации партии снизу по свидетельству Гинзбурга выработан был им совместно с тогдашним руководителем ЦК Бунда Тарасом[1]. Когда этот план был принят екатеринославским комитетом, Лалаянц и Гинзбург предприняли об'езд разных групп и организаций для их подготовки к с'езду. Лалаянц поехал в Москву на свидание к Ленину, пытаясь привлечь его к участию в этом с'езде. В своих воспоминаниях Лалаянц рассказывает, что Ленин отнесся к екатеринославскому проекту созыва с'езда весьма сдержанно и уклончиво.

Ленин сказал Лалаянцу, что он входит в группу (Ленин, Мартов, Потресов), что «он находит нужным, чтобы их группа, поскольку она согласится, участвовала на с'езде как особая самостоятельная группа, **не связывающая себя заранее решениями с'езда** (подчеркнуто мною.—А. М.). Если почему-либо группа как таковая найдет нужным уклониться от участия в с'езде, то он лично будет участвовать в нем персонально, но на тех же условиях, т. е. **не связывая себя его решениями»** (подчеркнуто мною — А. М.)[2]. Таким образом Ленин настолько не доверял созываемому с'езду, настолько не считал партию еще подготовленной для с'езда, что заранее оговаривался, что не будет считать себя связанным его решениями. Соответственно этому он развивал перед Лалаянцем свой план подготовки к с'езду, который должен был, по его мнению, быть созван не в России, а за границей. Он говорил, что, по его мнению, «действительному восстановлению партии должна предшествовать длительная подготовительная работа по выработке основных принципов в области организационных, программных и тактических вопросов, на которых должна быть построена партия, и тогда, по завершении такой работы, следовало бы созвать с'езд и создать действительно единую партию, т. е. не со с'ез-

[1] См. «Историю екатеринославской социал-демократической организации», стр. 150.

[2] И. Лалаянц, У истоков большевизма, вып. I, стр. 66.

а начать восстановление партии, а как бы закончить им»[1].

Из этой беседы, имевшей место в Москве в марте 900 г., видно, что только Ленин в то время отдавал ебе отчет, что партию не следует сколачивать и об'единять механически, что партия в России должна быть партией **нового типа**, партией **монолитной**, что с'езд должен только закрепить процесс идейной спайки партии, достигнутой путем борьбы со всяческим оппортунизмом, со всяческими шатаниями—и с кустарничеством, и с экономизмом, согласно формуле — «сначала размежеваться, а потом об'единиться». Эта идея подготовки с'езда для создания **монолитной** партии была совершенно нова и чужда для местных социал-демократических организаций в России в то время (в 1900 г.), в том числе и для сравнительно более передовой екатеринославской организации.

В этом отношении екатеринославская организация и группа «Южного рабочего» в отличие от Ленина, заглядывавшего далеко вперед, недалеко ушли от «Рабочего дела» и от заграничного «Союза русских социал-демократов», которые после неудачи, постигшей екатеринославский комитет с созывом нелегального с'езда в Смоленске, продолжали делать попытки в том же направлении, но уже при прямом сопротивлении искровцев. Если южнорабоченцы в 1900 г. **не понимали** тех великих задач, которые Ленин тогда ставил перед партией, не понимали необходимости создания партии **нового типа** и соответственно этому пытались сколотить с'езд механическим способом, то рабочедельцы уже прямо **враждебно относились** к искровским методам построения партии и подняли вопль против того сопротивления, которое искровцы оказывали рабочедельским попыткам механического об'единения партии.

В докладе «Союза русских социал-демократов» к третьему очередному с'езду Союза (осень 1901 г.), напи-

[1] И. Лалаянц, У истоков большевизма, вып. I, стр. 60.

санном, насколько мне известно, Акимовым, мы читаем следующие интересные строки о попытках Союза созвать с'езд партии, строки, иллюстрирующие эту враждебность:

«По вызову из России на организационный с'езд мы послали двух товарищей (речь очевидно идет о предполагавшемся с'езде в Смоленске.—А. М.). С'езд не состоялся. Мы продолжали усиленно сноситься с Россией, желая убедить товарищей воспользоваться международным конгрессом в Париже для нашего свидания; к сожалению, и эти хлопоты не увенчались успехом; только одна организация прислала своего делегата, другая была представлена случайно, от третьей, хотя и был ее член, но не уполномоченный говорить от ее имени... Поэтому мы сделали третью попытку созвать партийный с'езд. Мы обратились с круговым письмом к нескольким организациям в России, но почти не нашли поддержки... Мы в январе 1901 г. снова послали товарища в Россию. К идее с'езда все относились на этот раз сочувственно. Но в то время как нам приходилось среди массовой повседневной работы напряженно следить (подчеркнуто мною.— А. М.) изо дня в день за развивавшимися с невиданной быстротой событиями на нашей родине, к несчастью, не наши враги, а наши товарищи, не понимавшие (!) всей важности в нашем деле партийной дисциплины, мешали нам работать... Весной 1902 г. Союз еще раз сделал попытку созвать с'езд. Но «Искра» послала своего делегата, поручив ему помешать состояться с'езду, как об этом сообщает Мартов («Борьба с осадным положением»)... По мнению «Искры» еще не все было готово для с'езда, и она сознательно мешала его созыву... Она, которая так много и так резко говорила о «кустарничестве» в нашей партии, она сознательно мешала устранению этого кустарничества до тех пор, пока «куст», который она считала единственно достойным, не стал достаточно сильным, чтобы затенить все другие»[1].

[1] Акимов, Материалы для характеристики развития Россий-

То, что я говорил здесь о «Южном рабочем», о его политической физиономии, об его «нейтралитете» в борьбе с оппортунизмом, о его механическом подходе к вопросу об'единения партии, сближавшем его в этом вопросе с «Рабочим делом», дает нам ключ к пониманию того, как группа «Южного рабочего» держала себя впоследствии на II с'езде партии 1903 г., почему она, не примкнув непосредственно к антиискровскому блоку бундовцев и рабочедельцев, заняла однако с самого начала позицию «болота».

Теперь несколько слов о моем личном участии в «Южном рабочем» в 1900 г.

Когда я приехал в Екатеринослав, я сначала связался с «Группой» РСДРП. Лидером «Группы» был Полонский. Сейчас же по приезде в Екатеринослав я занялся пропагандистской работой, именно пропагандой на политические темы. Раньше пропаганда велась там, как и в других городах, преимущественно на темы политэкономии—теория прибавочной стоимости и пр. Я прочитал небольшую серию лекций о Чернышевском на полулегальных собраниях, на которых присутствовало 30—40 человек. Затем, связавшись с членом комитета рабочим Лавриновичем, я прочитал в нелегальном рабочем кружке курс лекций по истории царского самодержавия, которые впоследствии были напечатаны в нескольких изданиях[1].

Одновременно я поставил вопрос о моем принятии в екатеринославский комитет. Против моего принятия в комитет выступал настойчиво Исаак Лалаянц; но за мое принятие были ряд членов комитета и вся «Группа» РСДРП, с которой в то время комитет вел переговоры об об'единении.

ской социал-демократической рабочей партии, стр. 130—131, Женева, 1905 г.

[1] Первое издание вышло в Женеве в 1901 г. под заглавием «Исторический очерк наших порядков»; следующие, дополненные и исправленные издания вышли под заглавием «Очерки русской истории», и последнее, четвертое издание вышло в 1923 г.

В результате я не только вступил в комитет, но и был включен в руководящую тройку, которая редактировала и издавала орган комитета «Южный рабочий». Я вместе с Лалаянцем редактировал второй номер «Южного рабочего» и часть третьего. Когда второй номер был уже почти весь набран, типография провалилась, после чего уцелевший от ареста член комитета «Андрей» (Гинзбург) переиздал второй номер «на память» в совершенно искаженном, неузнаваемом виде.

Почему Лалаянц так упорно противился моему вступлению в комитет? Мне представляется теперь, что у Лалаянца действительно было одно весьма веское принципиальное основание для того, чтобы выступать против моей кандидатуры. Лалаянц был настоящий централист и человек, отличавшийся большой революционной непримиримостью. Я же, бывший народоволец периода упадка «Народной воли», обжегшийся на «заговорщичестве», был «демократ» в худшем смысле этого слова. Недаром мою кандидатуру так усердно отстаивали члены «Группы», неизменно жаловавшиеся на «диктаторские» замашки Лалаянца и впоследствии, в 1901 г., упорно боровшиеся за «выборность» против «назначенчества». В этом было большое, решающее преимущество Лалаянца передо мной.

Но наряду с этим у Лалаянца, как у большинства даже лучших революционных комитетчиков того времени, был один недостаток, который я тогда же подметил. Лалаянц, как и другие выдающиеся екатеринославские комитетчики, был несомненным «политиком», несомненным сторонником революционной массовой борьбы. Но его политический кругозор был весьма узок, его методы политической агитации—весьма шаблонны: агитация за свободу сходок, стачек, собраний и печати, за лозунги 1 мая и «долой самодержавие». И больше ничего. В этом отношении он, как и большинство тогдашних комитетчиков, даже не зараженных экономизмом, стоял неизмеримо ниже будущих искровцев. Правда, то, что мне тогда казалось «узостью» у Лалаянца, нужно отчасти отнести за счет моей соб-

твенной **расплывчатости** во взглядах. Но несомненно, что и с точки зрения последовательного марксизма Лалаянц страдал тогда,—до того, как он, вернувшись из ссылки накануне II с'езда, пришел в непосредственное соприкосновение с Лениным и искровцами,— узостью кругозора, узостью без кавычек. Эта узость была бедой почти всех местных «политиков» социал-демократов, не объединенных руководящим политическим центром, каким стала затем ленинская «Искра». Ленин их от этой узости лечил: он не просто отвергал агитацию «политиков» типа Лалаянца из-за ее узости, нет, он ее использовал, поднял в «Искре» на большую высоту, обогатил и оживил.

Столкновение узости Лалаянца с моей расплывчатостью привело к конфликтам. Первый конфликт у нас возник из-за напечатания моих лекций по истории царского самодержавия. Лалаянц высказался категорически против того, чтобы эти лекции были напечатаны в нашей нелегальной типографии. Совершенно иной прием встретили через год эти лекции у Плеханова. Когда я в конце 1900 г. приехал за границу вскоре после раскола между группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов», я через Д. Кольцова передал рукопись моих лекций Плеханову для ознакомления. Плеханов, прочитав рукопись, передал мне через Кольцова «ультиматум»: если я предоставлю издание этой книжки не ему и его друзьям, не группе «Освобождение труда», а «Союзу русских социал-демократов», то он, Плеханов, усмотрит в этом с моей стороны «акт вражды», «открытие военных действий». Несмотря на это, я как член «Союза русских социал-демократов» из дисциплины, как я ее понимал тогда, передал ее не Плеханову, а Союзу.

Я тут же должен заметить, что лежавшая в основе моих лекций историческая концепция происхождения и развития царского самодержавия была совершенно неправильна. Я материал для своих лекций черпал из разных источников (лекции и сочинения В. Семевского, Ключевского, сочинения Костомарова, Сергеевича,

и т. д.). Но наибольшее влияние на мою концепцию русской истории возымел только что вышедший в то время первый том «Очерков по истории русской культуры» П. Милюкова. Мне тогда казалось, как и Плеханову и Троцкому, что эти милюковские «Очерки» наиболее близко подходят к марксистскому толкованию русской истории. В действительности, как это впоследствии можно было ясно понять из многочисленных высказываний Ленина и как это доказал в своей критике М. Н. Покровский, это была концепция чисто буржуазно-либеральная. Вот эта-то либеральная концепция природы царского самодержавия легла в основу моих лекций, хотя я в них и старался изобличать дряблость российского либерализма.

Однако отнюдь не в этом была причина того, что Лалаянц отказывался печатать мои лекции в нашей нелегальной типографии. Лалаянц теоретической несостоятельности моей концепции не заметил, так же как не заметил той же концепции в цитированной передовице № 1 «Южного рабочего», так же как не заметил ее и Плеханов. Он по крайней мере ни слова об этом не говорил. Лалаянц мотивировал свой отказ исключительно тем, что подпольная типография в России должна, дескать, в настоящее время обслуживать не пропаганду на исторические темы, а исключительно агитацию (за свободу сходок, стачек, коалиций, за первомайские лозунги и т. п.). А между тем с точки зрения запросов политической агитации мои популярные лекции представляли известную ценность, содержа богатый обличительный материал против царского самодержавия.

Второй конфликт с Лалаянцем у меня произошел из-за листовки о бунте брянских рабочих. В мае 1898 г. в Екатеринославе на Брянском заводе вспыхнул огромной силы стихийный бунт, сопровождавшийся поджогом и разгромом главной конторы, лаборатории, материальных магазинов, потребительских и винных лавок, еврейским погромом и т. д. Поводом для этого бунта послужило убийство рабочего Кутилина стражником-осетином; основной же причиной бунта были чу-

ловищная эксплоатация рабочих и зверские порядки на заводе.

Это дело разбиралось через год в судебной палате при участии сословных представителей. Двум членам Екатеринославского комитета, мне и Машицкому, удалось как-то проникнуть на этот суд, куда нечиновных лиц почти не допускали. Суд произвел на меня огромное впечатление. Мне запомнились между прочим такие эпизоды. Инженер Кох показывал, что на заводе царила «железная дисциплина». Когда спросили его, что он понимает под словом «железная дисциплина», он ответил: «Чтоб дышать не можно было!» Когда старуху-свидетельницу спрашивали, узнает ли она подсудимых, она отвечала: «И, батюшка, как мне их узнать? Они теперь такие маленькие, а тогда они были великаны».

Под впечатлением этого суда я написал листовку под заглавием «Кто виноват?» (или «Кто виновные?»—точно теперь не помню). Лалаянц высказался против печатания листовки на эту тему как написанной не в обычной тогда трафаретной форме.

Третий конфликт с Лалаянцем у меня возник из-за содержания № 2 «Южного рабочего»: я предложил напечатать в нем статью о голоде на юге (или юго-востоке) России, а Лалаянц возразил, что эта тема сравнительно не актуальна.

Несмотря на эти отдельные конфликты, мы начали срабатываться с Лалаянцем, но вполне сработаться не успели. 16 апреля 1900 г. произошли массовые аресты, арестовано было свыше 100 человек. В этот день арестован был почти весь комитет, в том числе и я. После ареста я был переведен в харьковскую тюрьму. Через 6 месяцев заключения я был освобожден. После освобождения я попытался опять осесть в Екатеринославе на партработу. Приехав туда, я там имел свидание с уцелевшим от ареста Гинзбургом, с которым мы всю ночь бродили около заводов за неимением более безопасного места свидания. Но продолжать работу в Екатеринославе оказалось для меня совершенно невоз-

можным. Шпионы следовали за мной по пятам. Тогда я вернулся в Чернигов и оттуда уехал за границу.

Приехав за границу в конце 1900 г., я вступил в «Союз русских социал-демократов». Известно, что во время моего пребывания в «Союзе русских социал-демократов» я стал одним из лидеров или, пожалуй, главным лидером экономизма. Как это случилось? Из всего моего прошлого, особенно из того, что я раньше был активным народовольцем, а также из моей деятельности в екатеринославской организации вытекало, что я должен был занять позицию «политика». И я действительно при моем вступлении в Союз возымел доброе намерение занять такую позицию.

Но, обжегшись в «Народной воле» 80-х годов, т. е. «Народной воле» периода упадка, на «заговорщичестве» и централизме и став поэтому ярым сторонником расплывчатой «демократии», я сочетал свою «политику» (как увидим — куцую) с этой «демократией»; в результате этого моя «политика» оказалась лишь «левым», и тем более опасным и вредным, прикрытием для экономизма.

Фальшь и гнилость моей позиции дали себя знать с первых же шагов моей деятельности за границей, когда я узнал, что приехавший за границу Ленин намеревается начать поход против Союза. Я, не сознавая всей глубины оппортунизма Союза и стоя на чисто формальной позиции, заявил, что это совершенно недопустимо, что, поскольку Союз является органом, представляющим нашу партию за границей, мы должны не бороться против его несомненных недостатков извне, только стараться выпрямить его линию изнутри.

Мне в то время предложили вступить в редакцию «Рабочего дела» — органа, объективное значение которого сводилось к тому, что он служил прикрытием открытых экономистов из «Кредо» и «Рабочей мысли» уже разоблаченных и не так опасных. Характеризуя отношение «Рабочего дела» к открытым экономистам, Ленин писал, что у него тактика примирительного отношения, тактика прикрывания крайностей экономизма

тактика защиты экономизма от прямой борьбы против него, тактика «свободной критики», т. е. свободной критики марксизма со стороны всяческих прямых и переодетых идеологов буржуазии.

Условием моего вступления в редакцию «Рабочего дела» я поставил помещение в нем моей статьи «Очередные вопросы», в которой я подверг критике два «кита» рабочедельского экономизма — «теорию стадий», согласно которой необходимо-де вести сначала только экономическую агитацию, потом агитацию за частичные политические права и лишь после этого агитацию против царского самодержавия в целом, и «теорию частичных прав», согласно которой от царского самодержавия можно-де постепенно, по частям отвоевывать одни политические права и вольности вслед за другими. Мое условие было принято. Статья «Очередные вопросы» была помещена в № 9 «Рабочего дела» в мае 1901 г. Это оказалось возможным именно потому, что моя позиция не отменяла экономизм «Рабочего дела», а создавала для него еще более тонкую маскировку, делая его еще более вредным и опасным.

Вступив после этого в редакцию «Рабочего дела», я продолжал эту «борьбу» с двумя «китами» экономизма. Через полгода на предварительном совещании рабочедельцев с бундистами я вновь потребовал, чтобы из нашей платформы были устранены «теория стадий» и «теория частичных прав», и заявил, что иначе я выхожу из Союза. Несмотря на то, что я оказался в меньшинстве на совещании, мой ультиматум был принят. Помню, что бундист Либер по этому поводу воскликнул: «Мартынов нас изнасиловал».

Борясь с экономизмом на словах и удовлетворившись тем, что «Рабочее дело» поместило мою статью, я во имя мелкобуржуазной «демократии» и «свободы критики», ничего общего не имеющей с внутрипартийной демократией пролетарской партии, на деле стал работать в одной редакции не только с метавшимся из одной крайности в другую при каждом дуновении ветерка Кричевским (автором «тактики-процесса», а по-

том лозунга: «Стройтесь в боевые колонны»), но и
крайними экономистами — Иваншиным и Акимовым.

Чтобы дать лучшее представление о моей линии
тот период, я остановлюсь на упомянутой мной стат
«Очередные вопросы», которая была вся посвяще
этой «борьбе».

Характерно было для тона этой статьи уже то, что
в ней ни разу не употребил слова «экономист». Вмес
этого одиозного слова я, чтобы не «обидеть» моих т
варищей по Союзу, всюду говорил о «марксистах 90
годов», хотя, как известно, далеко не все марксис
90-х годов были экономистами. Ведь первый период д
ятельности Ленина тоже относился к 90-м годам.

Но решающим было то, что и в этой, наиболее «л
вой» моей статье рабочедельческого периода не бы
сказано ни одного слова о задаче гегемонии пролет
риата в борьбе против царизма. Проблемы гегемони
пролетариата (от которой меня еще в 1899 г. отпуги
ла статья Аксельрода, в которой словесное признан
идеи гегемонии маскировало тактику подчинения пр
летариата либералам) для меня не существовало. О
ной из основных причин этого была также моя ложна
концепция природы царского самодержавия, в осно
ном заимствованная мною у Милюкова, как я уже ук
зывал. О природе царского самодержавия я писал
«Очередных вопросах»:

«Наше самодержавное правительство, подобно з
падноевропейским, есть классовое **в том смысле** (?
что оно чуждо и враждебно интересам трудящегос
населения и всегда отстаивает интересы господств
ющих классов. Но европейское конституционно
правительство действует строго в рамках тех полно
мочий, **которые оно получает от разных классов, со
ответственно их влиянию в парламенте (!)**, исполняе
строго их волю, строго действует за их полной от
ветственностью. Наше же самодержавное правител
ство действует на основании собственного произво
на свой страх и риск, **опираясь только (!) на то** сму
ное и слепое доверие, которым царь пользуется в из

вестных слоях простонародья, опираясь на их пас-
ивную покорность».

Нет надобности доказывать, что сказанное здесь о
падноевропейских конституционных правительствах
ть точная копия либеральной теории буржуазного
сударства, ныне исповедуемой также социал-фаши-
ми. Точно так же то, что здесь говорится о царском
модержавии, было чисто либеральной теорией наше-
полукрепостнического государства. Согласно Лени-
власть царского правительства, хотя и «проходила
рез различные этапы развития своего классового со-
ржания» под влиянием развития капитализма, оста-
лась в основном властью крепостников-помещиков,
астью землевладельцев феодального типа. Отсюда
я пролетариата вытекала возможность приобрести в
це крестьянства наиболее надежного союзника в борь-
против царизма при условии гегемонии пролетариа-

Согласно же моей теории власть царского прави-
ельства, несмотря на то, что она была «чужда и враж-
бна интересам трудящегося населения», «опиралась
лько на то смутное и слепое доверие, которым царь
льзуется в известных слоях простонародья», т. е.
авным образом крестьянства. Согласно моей теории
ецифическая особенность царской власти заключа-
ь в том, что «она действует на основании собствен-
го произвола». Это значит, что царская власть была
сть надклассовая. Отсюда логически вытекало, что
облема союза пролетариата и крестьянства под геге-
нией пролетариата в борьбе с царизмом должна
ть снята, что, наоборот, крестьянство являлось си-
й, враждебной пролетариату и опорой царизма. От-
да логически вытекало, что гегемония в борьбе с ца-
змом должна принадлежать либеральной буржуазии,
о именно ее программа сводилась к «устранению цар-
го произвола» и к установлению конституционного
вительства, «ответственного перед парламентом».
сюда логически вытекало, что задача пролетариата
эпоху буржуазной революции сводится к помощи
ржуазии в борьбе за эту либеральную программу.

Такова была моя историческая концепция, сформули-
рованная в «Очередных вопросах». Она в основном сов
падала с исторической концепцией и Плеханова,
Троцкого, делавших из нее меньшевистские выводы
уже в 1903 г. Но эту концепцию природы царского са
модержавия они изложили в печати позже — Троцки
в 1909 г., а Плеханов в 1913 г., в его «Истории русско
общественной мысли».

Итак моя статья «Очередные вопросы» «обстрелива
ла» экономизм, во-первых, весьма слабо и робко, во
вторых, с оппортунистических, либеральных позиций
Но как бы то ни было, в тот момент я еще направля
свою критику вправо, против экономистов. Поэтому
тот момент Ленин и другие последовательные искров
цы еще могли возлагать на меня некоторые надежды
Так оно и было в действительности.

О том, что в Союзе появился Мартынов, который та
числится «политиком», конечно не могло не быть из
вестно Ленину и другим искровцам, особенно после
появления моей статьи в № 9 «Рабочего дела».
И вот в Женеве, летом 1901 г., по инициативе Ленин
Лохов (Ольхин) сводит меня с Лениным и Мартовы
на «дружескую беседу». Какую цель преследовал Ле
нин, устраивая эту беседу со мной, не трудно предста
вить: либо Мартынова удастся перетянуть в искровски
лагерь, либо, если он заупрямится, против него нужно
будет открыть самый сильный огонь, как против нан
более вредного рабочедельца, поскольку он драпирует
ся в «левизну» и старается гальванизировать тру
Союза.

«Дружеская беседа» в женевском кабачке свелась
диалогу между Лениным и мною. Мартов и Лохов бы
ли молчаливыми слушателями. Ленин развертывал пе
редо мной программу политической борьбы и допра
шивал меня с пристрастием. Я с ним соглашался. По
конец он меня спрашивает: «Ну, а как вы относитесь
нашему организационному плану?» Тут я встал на ды
бы, как будто он мне наступил на больную мозоль: «С
вашим организационным планом я никак не могу со

гласиться. Вы хотите строить партийную организацию не по социал-демократическому типу, а по типу македонских чет». Ленин засмеялся: «Ну вот мы с вами во всем согласны: только в одном пункте мы расходимся, в вопросе об организации. **А в этом вся суть.** Значит пути наши расходятся».

После этой беседы борьба между искровцами и рабочедельцами разгорелась с новой силой. Я поместил в № 10 «Рабочего дела» статью «Обличительная литература и пролетарская борьба», направленную против «Искры». Вместо того чтобы «исправить» экономистов, я сам еще больше проникся духом экономизма и в этой статье уже **открыто** напал на искровскую тактику, направленную на осуществление гегемонии пролетариата.

В этой статье, напечатанной в сентябре 1901 г., я впервые выступил **открыто** как вождь экономизма. Поэтому на ней стоит подробнее остановиться. Свою критику «Искры» я прикрывал конечно рядом «левых» оговорок. Я писал (все подчеркивания сделаны мною сейчас):

«Поскольку «Искра»... раскрывает гнилое ядро всяких бессмысленных надежд, возлагаемых на самодержавие и примиряющих с ним оппозицию, мы можем лишь приветствовать ее деятельность. **Но «Искра» занимается лишь одним делом — она «обличает» наши порядки, и поскольку она эту одностороннюю тактику возводит сознательно или бессознательно в принцип, она стоит несомненно на ложном пути...»** «Мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами им следует изо дня в день бороться за свои интересы. По отношению к ним мы можем выступить лишь в отрицательной роли обличителя порядков...

Но если эта тактика правильна по отношению к радикальному и либеральному обществу, то она совершенно недостаточна по отношению к пролетариату. Тут

наша обязанность гораздо шире. Мы, социал-демократы, являемся представителями интересов пролетариата. **Поэтому мы по отношению к нему обязаны не только указывать на то, что препятствует осуществлению его интересов. Мы должны также давать ему положительное,** — мы должны всегда формулировать его ближайшие требования и указывать на средства к их осуществлению...

Теперь перед нами стоит задача — **как придать самой экономической борьбе политический характер....**

Наша партия могла бы и должна была бы представить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплоатации, против безработицы, против голода и т. д... Повышая требовательность рабочей массы по отношению к государству, мы одновременно открываем глаза рабочему на то, чем должно быть государство и чем не может быть самодержавное государство... Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством кроме своего непосредственного революционного значения имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии. Никогда революция **не начнется** с того, что народ соберется на улице и потребует низвержения самодержавия. Всегда, наоборот, крупные общественные волнения начинались и будут начинаться по поводу какого-нибудь частного столкновения.

У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды [1] отодвигают на задний план задачи агитации. **Усвоение правильной теории классо-**

[1] Нужно помнить, что я, согласно моей тогдашней терминологии (совершенно неправильной, которую Ленин поделом высмеял в «Что делать?»), под словом «пропаганда» понимал не только пропаганду, но и массовую агитацию в смысле обличения порядков, а под словом «агитация» понимал только непосредственное возбуждение к массовым выступлениям, к массовым действиям, например забастовкам.

вой борьбы для нее гораздо важнее боевой практики и боевых традиций. При такой точке зрения она не могла достаточно оценить то революционное значение, которое неизбежно должна иметь при русских условиях экономическая борьба пролетариата.

Поскольку «Искра» подвергает беспощадной критике наш политический строй... она имеет бесспорную заслугу. Но поскольку она старается уложить все сложные формы революционной борьбы в прокрустово ложе своей слишком узкой догмы, она заглушает непосредственное активное чувство, парализует инициативу и суживает до-нельзя сферу революционного воздействия...

Независимо от того, чем «Искра» хотела и хочет быть, она фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие».

«Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей, хотя это две тесно связанные стороны одного и того же важного дела».

Когда после появления этой статьи в октябре 1901 г. состоялась конференция искровцев и рабочедельцев (закончившаяся окончательным расколом), Ленин, выступая на этой конференции, говорил по поводу моей статьи, что она, хотя и делает некоторые отдельные приемлемые замечания, в основном показывает поворот Союза вправо и представляет собой чистый экономизм. Ленин был конечно прав.

В том обвинительном акте, который я выдвинул против «Искры», следует отметить три момента:

1. Статья клеветнически, без всяких оснований обвиняет Ленина и ленинскую «Искру», будто они пренебрежительно относились к экономической борьбе и ко всякого рода массовым выступлениям, экономическим и политическим, под частичными лозунгами. Петербургский «Союз борьбы», возглавлявшийся в середине 90-х годов Лениным, как известно, первый показал образец руководства экономической борьбой; и брошюру «О штрафах» написал не кто иной, как Ленин; и руководство уличными демонстрациями было больше всего делом искровцев. Ленин в «Что делать?» писал: «Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы». Но Ленин подчинял борьбу за реформу борьбе за революцию, а у меня разговоры о реформах подменяли борьбу за революцию.

2. В чем был смысл моей статьи **в основном** и за что Ленин обрушился на нее в «Что делать?»[1]. Подчеркнутые мною сейчас места говорят о том, что статья умаляла значение пропаганды и агитации **за конечные революционные цели** движения, умаляла значение революционной теории, значение **«всесторонних политических обличений»**, которые, показывая, как угнетение царского самодержавия «падает на самые различные классы и проявляется в самых различных областях жизни», тем самым являются незаменимым средством политического воспитания самого рабочего класса; статья защищала стихийность и проповедывала сужение партийной деятельности, ее ограничение задачей «придать самой экономической борьбе политический характер». Статья пренебрежительно относилась к революционному воздействию на возможных союзников пролетариата, т. е. отвергала проблему гегемонии пролетариата и тем самым изолировала пролетариат. В итоге она подменяла **революционную политику политикой тред-юнионистской.**

3. Все это говорилось в конце 1901 г., когда страна уже переживала канун революции. Все это означало равнение по отсталым слоям пролетариата,

[1] Ленин, т. IV, стр. 505.

Пресловутая формула «придать самой экономической борьбе политический характер» лишь констатировала то, что уже давно делалось стихийно. Все это значило — преклоняться перед стихийностью, защищать цеховые, а не классовые позиции. Все это Ленин совершенно правильно охарактеризовал словом **«хвостизм»**.

Характерна для статьи была и та часть ее, где подвергалась критике аграрная программа «Искры» с ее требованием возвращения отрезков. Эта махровая прооппортунистическая критика исходила из отрицания перспективы аграрной революции в России, из неверия в возможность приобщения крестьянских масс к нашему революционному движению. Я писал в статье:

«Отмеченный нами романтизм «Искры» особенно ярко сказался в одном неожиданном «пассаже» — наброске аграрной программы, сделанном в третьем номере в статье «Рабочая партия и правительство». Романтизм здесь, по-нашему мнению, сказался опять-таки потому, что **приобщение крестьянской массы к нашему движению при настоящих условиях является весьма проблематичным...**

Поскольку речь идет о крестьянах или мелких собственниках, мы должны требовать ограждения их от фискальной эксплоатации, от разных отсталых форм экономической кабалы и от юридического угнетения, не препятствуя при этом прогрессу капиталистического сельского хозяйства...

«Искра» правильно указывает, что одна из главных причин теперешнего бедственного положения крестьян заключается в том, что правительство их освободило не с землей, а «от земли»... Но «Искра» совершенно неожиданно делает скачок из области пропаганды[1] в область агитации[1]... Социал-демократия должна теперь требовать исправления исторической ошибки... Спрашивается: где же теперь проектируемые «Искрой» комитеты **будут искать отрезков, бывших в руках дворян**

[1] Эти термины опять употребляются в указанном выше смысле.

40 лет тому назад? Заведут ли они теперь тяжбы разорившимися дворянскими семействами, или может быть они их разыщут у тех разночинцев, которые их получили через десятые руки?..

Но главный вопрос в том — каким образом при этой экспроприации удастся не затронуть капиталистическое сельское хозяйство?.. Если бы мы захотели найти настоящий классовый лозунг для массы малоземельного пролетариата, мы должны были бы итти дальше — мы должны были бы выставить требование «Черного передела», но тогда нам пришлось бы распроститься с социал-демократической программой».

Я помню, что за эти места мне очень скоро пришлось краснеть. Даже явный оппортунист Кричевский упрекнул меня, что в своем ярком полемическом задоре против «Искры» я зарвался. И действительно, об'ективно мои рассуждения означали защиту помещичьего землевладения от посягательств революции.

Так, начав с «благого пожелания» исправить экономистов, я сам стал вождем экономизма благодаря тому, что я свою «борьбу» повел в рамках и под знаменем оппортунистической организации «Союза русских социал-демократов», насквозь зараженной экономизмом.

И это со мной еще не раз повторялось в меньшевистский период моей жизни. Во время столыпинской реакции и расцвета ликвидаторства я был «противником» ликвидаторства, продолжая в своих статьях отстаивать меньшевистские позиции 1905—1906 гг.; а затем я не только прикрывал ликвидаторов, не только участвовал в ликвидаторском Августовском блоке, но порвал с Плехановым, с которым я был принципиально согласен, из-за того, что он требовал устранения из редакции ликвидатора Потресова, с которым я был принципиально не согласен. Я считал, что Плеханов дескать, нарушает принципы партийной «демократии» и разрушает меньшевистское партийное «единство». Во время войны я был «противником» социал-патриотизма, «критиковал» в печати социал-патриотов, занимая позицию «меньшевика-интернационалиста», но мой «ин-

рнационализм» был на деле лишь прикрытием социал-
триотизма, потому что я пытался согласовать «ин-
рнационализм» с меньшевизмом, который неизбежно
лжен был превратиться и превратился в социал-пат-
отизм. Только тогда, когда я порвал окончательно
оппортунистической организацией и с принципами
лого «демократизма», я смог стать коммунистом и
квидировать противоречия между суб'ективно бла-
ми намерениями и худыми делами.

Возвращаюсь к предс'ездовскому периоду. В начале
02 г. появилась знаменитая брошюра Ленина «Что де-
ть?», в которой, как известно, не мало места уделя-
сь мне. Хотя вся полуторагодичная работа «Искры»
вся революционизированная обстановка уже доста-
чно подготовили почву для восприятия идей, изло-
енных в «Что делать?», эта замечательная брошюра
оизвела впечатление грома среди ясного неба. У меня
чно она вызвала душевный разброд. С одной сторо-
, трактовка вопроса о роли партии и об отношении
знательности к стихийности в рабочем движении в
ошюре сильно отличалась от обычной шаблон-
й трактовки социал-демократической печати и
ставлялась мне потому явно «не марксист-
ой». С другой стороны, меня пленял и под-
пал огромный революционный размах брошюры,
аменный революционный темперамент автора, на-
минавший мне темперамент лучших народовольцев
ронического периода 1879—1881 гг. В результате этого
шевного раздвоения я ничего не делал для того, что-
ы ответить Ленину на его ядовитые нападки против
еня. Ленин в брошюре не случайно в значительной
епени именно меня как «левого экономиста» избрал
шенью для своей критики. Рабочедельцы приставали
мне: «Вы обязаны немедленно ответить Ленину. Что
е вы молчите? У вас, кажется, появилась тайная лю-
овь к Ленину!» Но я решил молчать, пока я не разбе-
сь в той массе новых вопросов, которые поставил
своей брошюре Ленин, пока не почувствую твердую
еологическую почву под ногами. При всей моей

тогдашней политической незрелости я все же дост
точно высоко ставил интересы революционного дел
чтобы не ринуться в беспринципный бой из-за ли
ной обиды. Один практический вывод я все-таки сд
лал сейчас же после появления брошюры «Что д
лать?». Я фактически порвал с рабочедельцами. А с н
иболее тупым и ограниченным рабочедельцем Ак
мовым, который помешался на своей «теории ст
дий», я даже и разговаривать перестал и осень
1902 г. стал редактировать самостоятельно газе
«Красное знамя», три номера которой вышли
ноябре и декабре 1902 г. и январе 1903 г. К этому вр
мени относится начало моего близкого знакомства
Плехановым, у которого я стал часто бывать, и мое б
лее основательное изучение Маркса и Энгельса.

В таком состоянии я поехал одним из двух делегат
от «Союза русских социал-демократов» на II с'е
РСДРП. Какова же была моя позиция на с'езде? В «Д
кладе делегации «Союза русских социал-демократо
II с'езду РСДРП, изданном Акимовым и опубликова
ном в протоколах II с'езда, говорится, что Союз посл
на II с'езд партии «двух своих делегатов, выражающи
два крайних оттенка мнений Союза»[1]. Это верно: я
Акимов представляли собой, особенно в это время, «д
крайних оттенка», но это были два оттенка **в предел
союзного оппортунизма.**

Акимов был и остался горячим сторонником «теор
стадий». Даже в 1905 г. он от этой излюбленной сво
теории не отказался. В вышедшей в Женеве в 1905
брошюре Акимова «Материалы для характеристики ра
вития Российской социал-демократической рабоч
партии» во введении говорится: «Материалы эти я н
ложил с точки зрения «теории стадий», много раз пор
ганной и осмеянной «Искрой».

Я в отличие от Акимова никогда не был сторонник
«теории стадий»; в мой рабочедельческий период я о
лекал свой экономизм в более «левую» оболоч

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 489.

1902 г. я присоединился к аксельродовской трактовке задач пролетариата в революции, той самой трактовке, которую за три года до того я считал ошибочной. Что я стал приверженцем именно этой аксельродовской трактовки задач пролетариата, я сейчас же после с'езда показал в своих «Двух диктатурах», где пытался доказать, что Ленин исказил аксельродовскую «верную» постановку вопроса. Свое согласие с аксельродовской трактовкой я и позже, будучи меньшевиком, высказал в печати в статье «Основные моменты развития русского марксизма», напечатанной в печально-знаменитом меньшевистском пятитомнике.

Из моих речей на II с'езде тоже видно, что я тогда стал на аксельродовскую точку зрения. Доказывая на с'езде, что мы не должны поддерживать оппозиционные вообще, а только «демократические» движения, я говорил: «Поскольку либеральное движение уже теперь становится в лице Евреиновых между революцией и реакцией, поскольку оно стремится путем компромисса остановить развитие революционного движения, мы должны бороться. Если мы хотим стоять во главе всего революционного демократического движения, мы должны бороться с либеральной партией за сферу нашего влияния, за влияние на демократию». Это было сказано как будто не очень плохо; но во имя какой же непосредственной политической цели, во имя какой программы мы должны бороться за влияние с либералами? На это я ответил в той же речи: «Во-первых, мы не боимся буржуазной конституции, а, напротив, считаем ее огромным и неизбежным шагом вперед; во-вторых, мы не игнорируем силы либералов, потому что мы видим в них представителей известных слоев буржуазии, которая будет неизбежно господствовать в освобожденной России» [1]. Выходило, что мы должны были бороться с либералами для того, чтобы силами пролетариата помочь этим самым либералам притти к власти.

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 252. Подчеркнуто автором.

Акимов на с'езде высказывался против теории обнищания Маркса и против диктатуры пролетариата. Я на с'езде от него в этих вопросах отмежевался, заявив, что я — за теорию обнищания Маркса и за диктатуру пролетариата. Но мое словесное «признание» диктатуры пролетариата на деле об'ективно было только маскировкой моей борьбы против диктатуры пролетариата. Все мои организационные и тактические установки тогда и в последующий меньшевистский период моей жизни направлены были не на осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, перерастающей в диктатуру пролетариата, на установление в буржуазной революции власти либеральной буржуазии, на установление диктатуры буржуазии. И когда Октябрьская революция победила и установила диктатуру пролетариата, я выступил противником этой диктатуры и на практике и в теории. В одной статье (не помню сейчас точно, где она напечатана) я, критикуя обоснование диктатуры пролетариата, данное в знаменитой книжке Ленина «Государство и революция», пытался даже доказать, что Ленин напрасно-де ссылался на взгляды Маркса и Энгельса о необходимости диктатуры пролетариата, от которых они будто бы отказались после, что на деле было вопиющей клеветой на пламенных борцов за пролетарскую диктатуру — Маркса и Энгельса.

Акимов на II с'езде выступил защитником бундовского национализма. Он говорил: «Евреи составляют особую нацию, резко отличную от всех других наций... Еврейский пролетариат представляет интересы еврейской нации... После тысячелетий порабощения евреи возрождаются для национальной жизни, подобно чехам, и это осложняет задачи еврейского пролетариата, создает для него потребность в национальной социал-демократической организации, подобно организациям социал-демократии других наций. Бунд стремится к этому, и в этом стремлении есть только национальные, но не националистические побуждения» [1].

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 82.

Я в отличие от Акимова был противником бундовского национализма. Когда на с'езде по первому пункту порядка дня обсуждалась позиция Бунда и Мартов внес резолюцию, осуждающую федерализм Бунда, я в «принципе» согласился с резолюцией Мартова. Я в своей речи говорил, что Бунд в своем проекте устава, вопреки «Коммунистическому манифесту», «выделяет и отстаивает» именно национальные интересы пролетариата. Он стремится к национальному обособлению еврейского пролетариата.

Несмотря на все это, я, исходя из того, что «мы ценим его (Бунда) крупные исторические заслуги и не желаем сломить этой исторически сложившейся силы», внес к резолюции Мартова дополнение, которое создавало для Бунда возможность оставаться в партии, проводя свои федералистические тенденции. А когда дело дошло до голосования вопроса о втором параграфе устава Бунда, в котором ярче всего высказались его сепаратистские, федералистические тенденции, я вместе с Акимовым воздержался от голосования. Таким образом, будучи в «принципе» против национализма, я на деле помогал ему во имя «демократии», во имя «демократических» (на деле мелкобуржуазных) принципов партийной организации, т. е. во имя сохранения «единства»... с оппортунистами в национальном вопросе.

Когда на с'езде обсуждался вопрос о признании «Искры», Акимов высказался против признания. Я же высказался за признание ее. Но, голосуя за первую часть резолюции о признании «Искры», я заявил, что от голосования за вторую часть резолюции воздержусь, потому что я не согласен с ленинской трактовкой отношения стихийности и сознательности. Это значило, что я якобы признавал направление «Искры», но на деле в основном вопросе расходился с ним.

Далее я вместе с Акимовым голосовал за «равноправие языков», за оппортунистическую формулировку, из-за которой с'езд впервые раскололся на две равных части. Затем я голосовал вместе с Акимовым за оппортунистическую мартовскую формулировку первого па-

раграфа устава. Наконец я вместе с Акимовым ушел с с'езда из-за того, что принята была резолюция, предрешающая упразднение «Союза русских социал-демократов».

Я и Акимов представляли собой на с'езде два оттенка в пределах союзного оппортунизма. Ленин с полным основанием на с'езде заострял внимание лишь на том существенном, что меня с Акимовым об'единяло.

О чем говорят все эти факты? Они говорят, что я оставался на с'езде (и многие годы после с'езда) антиленинцем и следовательно антиискровцем (в смысле старой «Искры»). На с'езде я превратился в меньшевика. Меньшевизм вообще находился в самой тесной органической преемственной связи с экономизмом, и я явился, так сказать, персональным выражением этой преемственности, мостом от экономизма к меньшевизму.

После с'езда говорили: «Мартов и Аксельрод пришли к Мартынову». Точнее было бы сказать: они шли навстречу друг другу и вскоре слились в одно целое. В первой половине с'езда Мартов и Аксельрод были левее меня, а потом они отступили назад и под конец с'езда пришли к законченному меньшевизму. Я же был уже почти готовым меньшевиком еще в начале с'езда, а к концу его стал меньшевиком совершенно законченным.

Ленин в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» указал, что «ко времени с'езда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство».

И, развив далее эту мысль в предисловии к сборнику «За 12 лет», Ленин указывал, что —

«Анализ борьбы различных течений и оттенков на втором с'езде партии (см. брошюру «Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.) доказывает неопровержимо прямую и непосредственную связь «экономизма» 1897 г

следующих годов с «меньшевизмом». А связь «экономизма» в социал-демократии с «легальным марксизмом» или «струвизмом» 1895—1897 годов я показал в брошюре: «Что делать?» (1902 г.). Легальный марксизм-экономизм-меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью» [1].

Мое формальное слияние с меньшевистской организацией произошло вскоре после с'езда, когда я поместил в меньшевистской «Искре» свою первую статью «Голос из народа». Сосватал меня с новой «Искрой» Троцкий, которого Плеханов выжил из «Искры». При свидании со мной в Берлине Троцкий предложил мне вступить в редакцию «Искры» на его место. При этом свидании, кстати, Троцкий прочитал в рукописи мою пресловутую брошюру «Две диктатуры», после чего в его брошюре «Наши политические задачи», вышедшей из печати раньше, чем моя брошюра, в конце появилась глава, в которой автор своими словами и от своего имени пересказывает то, что я писал в «Двух диктатурах» об «якобинстве» Ленина. Троцкий таким образом позаимствовал у меня обвинение Ленина в «якобинстве». «В благодарность» я впоследствии, в 1905 г., будучи в редакции «Начала», пропагандировал в несколько исправленном виде его и Парвуса «перманентную революцию».

После свидания с Троцким в Берлине я поехал в Женеву и вступил в редакцию «Искры», Троцкий же поехал в Мюнхен к Парвусу, который его накачал там своей теорией «перманентной революции».

●

Раньше чем перейти к описанию того, что было на с'езде, остановлюсь несколько еще на Плеханове, с которым я близко познакомился накануне с'езда и на некоторых других членах редакции «Искры».

[1] В. И. Ленин, За 12 лет, сборник статей, стр. 20. 1933 г.

Плеханов перед с'ездом и на с'езде формально занимал революционную позицию. Во время выработки партийной программы редакцией «Искры» и «Зари» мне рассказывали следующий факт, которого я не проверял, но который был очень правдоподобен, его трудно было выдумать. Когда Плеханов сдал свой проект программы в искровскую типографию, наборщики заметили, что в «четырехвостке» — всеобщее, равное, прямое и тайное голосование — в рукописи автора выпало слово «тайное». Наборщики, приняв это за описку, набрали это слово. Тогда Плеханов в корректуре это слово перечеркнул и на полях написал: «Прошу наборщиков меня не редактировать». На этой почве возник уже принципиальный конфликт между автором и наборщиками, из которого победителями вышли наборщики. Это наводит на мысль о том, что Плеханов при составлении проекта программы учитывал, хотя и колеблясь, возможность отмены тайного голосования в революционной обстановке.

Соответственно этому Плеханов держал себя и на с'езде. Он высказался на с'езде против отмены смертной казни, мотивируя это тем, что «мы на Казанской площади публично казним царя». Известно также то, что он на с'езде сказал по поводу избирательного права: «Гипотетически мыслим случай (подчеркнуто мною. — А. М.), когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права».

Все это звучало очень революционно, очень по-якобински. И это бесспорно свидетельствовало о том, что Плеханов лучше знал историю революций, имел более богатое революционное воображение и меньше страдал «демократическим» фетишизмом, чем Мартов, который потом на с'езде Заграничной лиги по поводу цитированных слов Плеханова сказал: «Эти слова вызвали

негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы т. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати»[1]. Не следует однако думать, что позиция Плеханова до с'езда и на с'езде на практике, применительно к российской конкретной действительности, чем-либо отличалась от позиции Мартова.

Целый ряд причин приводил Плеханова к оппортунистическим позициям.

Во-первых, он еще в своих первых марксистских работах в группе «Освобождение труда», ставя вопрос о роли пролетариата в грядущей русской революции, не давал марксистского разрешения этой проблемы. Так, в своей брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом» Плеханов писал: «Буржуазия не единственная у нас общественная сила, угрожающая самодержавию. Там, где есть буржуазия, есть и пролетариат». (Таким образом, буржуазия здесь трактуется как равноценная с пролетариатом революционная сила.) И далее: «Пролетариат и «мужичок»—это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»[2]. Здесь уже заложены основы последующей меньшевистской стратегии в русской революции, стратегии, основанной на отказе от союза пролетариата и крестьянства и на подчинении пролетариата либеральной буржуазии.

Во-вторых, он, пропагандируя в России диалектику марксизма в период борьбы с народничеством, эту диалектику понимал весьма догматически и не сумел ее перевести на язык конкретной действительности. Ленин уже указывал накануне с'езда в программной дискуссии в редакции «Искры», что проект программы Плеханова отличался тем, что «характеризовал капитализм вообще, вследствие чего его проект напоминал скорее «учебник», чем «об'явление войны русскому капитализму». Ленин впоследствии в предисловии ко второму изданию своей книги «Развитие капитализма в России», вышедшему в 1907 г., отмечает те же недостатки плехановской методологии в вопросе о характере русской буржуазной революции: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо... Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их,—т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[1].

В-третьих, Плеханов усвоил ложную милюковскую концепцию истории русского самодержавия, основанную на надклассовой теории государства. В-четвертых, Плеханов, будучи долго оторванным от России и от непосредственного руководства рабочим движением в России, не понимал всей глубины перемен, которые произошли в России, перемен в ее экономике и в развитии рабочего движения. В-пятых, он не мог освободиться от впечатлений, вынесенных из тех, уже потерявших актуальность, споров, которые он вел с народниками и в которых он одержал блестящую крупного исторического значения победу. В связи с этим он недооценивал роль субъективного фактора в истории, недооценивал роль партии, чураясь вместе с тем и ре-

[1] См. «Протоколы II с'езда заграничной Лиги». Партиздат, стр. 96, 1934 г.
[2] Плеханов, т. III, стр. 386.

[1] Ленин, т. III, стр. 12, изд. 3-е.

волюционного творчества масс, ограничиваясь голой формулой, что мы должны быть «сознательным выразителем бессознательного исторического процесса». Все это вместе с философскими изъянами Плеханова (хотя бы его теория «иероглифов», раскритикованная Лениным в свое время) и было основой сползания Плеханова к оппортунизму, сползания, во время II с'езда еще почти незаметного, но под конец, во время империалистической войны приведшего Плеханова в лагерь крайнего социал-шовинизма.

В результате всего этого Плеханов не видел и не понимал новой исторической обстановки начинающейся империалистической эпохи, в которой назревает русская революция, не видел и не понимал того нового соотношения классовых сил, которое складывается в России. Поэтому он никогда не допускал возможности перерастания грядущей русской буржуазной революции **как рабоче-крестьянской** в пролетарскую. Поэтому его якобинские речи периода старой «Искры» и II с'езда носили лишь «гипотетический», абстрактный характер.

Говоря якобинские речи вообще, Плеханов на деле в отношении России держал курс на обычную буржуазную республику современного ему западноевропейского типа. Поэтому он не только в 1905 г. защищал меньшевистскую концепцию русской революции, но и ранее, в 1904 г., вскоре после II с'езда, прочитав рукопись моей брошюры «Две диктатуры», вполне одобрил эту брошюру, которая стала затем катехизисом меньшевизма. Поэтому и еще раньше, в период старой «Искры», его споры по программным вопросам с Лениным шли по той же линии: недостаточное отмежевание пролетариата от остальной массы трудящихся как предварительное условие осуществления гегемонии пролетариата, колебание в вопросе о диктатуре пролетариата, недооценка возможной революционной роли крестьян и переоценка роли либеральной буржуазии.

В противоположность Плеханову Ленин настаивал, что для осуществления гегемонии пролетариата в бур-

жуазно-демократической революции, для осуществления союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата, наша партия должна, поддерживая всякое оппозиционное и революционное движение, в то же время не замазывать противоречий между пролетариатом и буржуазией, а заострять борьбу между ними. В то время как Плеханов опасался, что это «отпугнет буржуазию», Ленин понимал, что это обеспечит широчайший размах и глубину буржуазно-демократической революции и тем самым обеспечит ее перерастание в пролетарскую революцию. Ленин в поучение Плеханова писал, что «...партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, об'явление ею войны русскому капитализму» [1].

В то же время Ленин указывал и на недопустимость замазывания различий между пролетариатом и мелкой буржуазией:

«Желательно привлечь **всех** мелких производителей,—конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все-же особый класс.

Обязательно **сначала отгородить себя** от всех, выделить один только, **единственно и исключительно,** пролетариат, — а **потом** уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала»!

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызывали никакого народного движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, расширение. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют социал-демократов в «крестьянофобстве» и социалисты-революционеры кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием «борьбы» всех трудящихся и эксплоатируемых» («Вестник русской

[1] Ленин, т. V, стр. 35, над. 3-е.

:волюции»[1] № 2,—именно в России мы должны сна-
ала самым резким определением одной только клас-
овой борьбы одного **только** пролетариата **отгородить**
бя от всей этой швали,—а потом уже заявлять что
ы **всех зовем**, все возьмем, все сделаем, на все рас-
ширим.

А комиссия «расширяет», позабывши отгородить!! И
бвиняют меня в узости за то, что я требую **предпо-**
лать расширению эту «отгородку»?! Ведь это — под-
асовка, господа!!»[2].

Ленин упрекал Плеханова за то, что в его втором проекте программы упущено указание на **диктатуру пролетариата**, которое имелось в первом проекте Плеханова, и увязывает это с тем же неправильным пониманием Плехановым взаимоотношений между пролетариатом и мелкой буржуазией:

«Если бы мы действительно **положительно** знали,—говорит Ленин,—что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его пролетарской революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре»[3]. Плеханов не понимал, что при двойственности природы мелкой буржуазии именно для обеспечения поддержки пролетариата в пролетарской революции со стороны непролетарских трудящихся масс необходима борьба за завоевание этих масс на сторону пролетариата, необходима диктатура пролетариата. Далее Ленин говорит: «Признание необходимости **диктатуры** пролетариата **самым тесным и неразрывным образом** связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат **один только есть действительно революционный класс**»[4].

Вспоминая о тех беседах, которые я имел с Плехановым накануне II с'езда, я должен отметить очень характерную черту этих бесед. Плеханов очень охотно

[1] «Вестник русской революции», теоретический журнал социал-революционеров.
[2] Ленин, т. V, стр. 48—49, над. 3-е.
[3] Там же, стр. 29.
[4] Там же, стр. 29.

говорил на темы о диалектическом и историческом материализме, но особенно охотно он говорил на темы о революционном **прошлом**. Он очень много рассказывал интересного из своих старых революционных знакомств — об Александре Михайлове, о Вере Фигнер, Кравчинском, Лаврове, Гэде, со слов Гэда о Бланки и т. д. О большинстве народовольцев и народников он говорил с легкой иронией. Об одном только он говорил с глубоким уважением и даже любовью — об организаторе «Народной воли» — Александре Михайлове, носившем кличку «дворник», неоднократно повторяя его изречение: «Я не понимаю: революционер ищет опасности? Она сама придет». Плеханов много говорил **о прошлом**. Но никогда он не заговаривал со мною на актуальные революционные темы, на темы о перспективах и задачах русской революции, о задачах партии, никогда он не пытался меня привлечь на сторону «Искры». Мыслимо ли было бы что-либо подобное при встречах с Лениным? Разумеется нет, ибо Ленин весь горел и жил не прошлым, а настоящим и будущим и теснейшим образом увязывал революционную теорию с текущей революционной практикой, в то время как Плеханов был, по удачному выражению Розы Люксембург на V с'езде партии, «застывшим марксистом».

Плеханов никогда не был последовательным искровцем. Это не значит, что не было никаких различий между Плехановым, с одной стороны, и Аксельродом и Мартовым — с другой. У них расхождения были. Плеханов, так же как и Аксельрод, так же как и Мартов, не мог понять, не мог усвоить, не мог согласиться с организационными взглядами Ленина, и по весьма понятной причине: организационные взгляды Ленина были тесно связаны с общей его оценкой характера и задач русской революции и с его тактическими взглядами. Плеханов в этих вопросах никогда не сходился с Лениным, будучи сначала скрытым, а потом и открытым меньшевиком. Поэтому он после с'езда в новой «Искре» в статье «Централизм или бонапартизм» обрушился на большевистское пони-

мание партийного централизма. Поэтому он впоследствии терпимо относился к аксельродовской пропаганде рабочего с'езда, хотя и расценивал значение рабочего с'езда не так, как Аксельрод, считая, что рабочий с'езд должен не заменить, а дополнить партию. Но мы уже указывали, что Плеханов по ряду моментов был все же выше Аксельрода и Мартова. Поэтому Плеханов позже раскололся с Лениным, чем Мартов и Аксельрод, раскололся с ним не на II с'езде партии, а позже, на с'езде Лиги, мотивируя это тем, что он не желает «стрелять по своим». Поэтому он и в 1905 г. на общерусской меньшевистской конференции горячо критиковал «организационный нигилизм и анархизм меньшевиков», поучая их, что «не существует содержания без формы», что нужно учиться твердости у большевиков. Поэтому он впоследствии временно в известной мере примкнул к борьбе Ленина с ликвидаторами, оставаясь меньшевиком. Поэтому между прочим он с таким исключительным уважением относился к организатору «Народной воли» Александру Михайлову. Все это были разногласия в пределах меньшевистского оппортунизма.

Аксельрод пришел к Марксу не через Чернышевского, как Плеханов, а через Лассаля; по характеру своему он не выносил методов насилия. Он соответственно этому, говоря о революции, считал, что «понимать сне надо духовно». Вспомним его речь на IV Стокгольмском с'езде партии, где он, критикуя «увлечение» вооруженными выступлениями, ссылался на то, что любой царский офицер может стрелять лучше хорошего марксиста.

Аксельрод соответственно этому и на всякий твердый организационный устав смотрел с неприязнью и пренебрежением, усматривая в нем источник столь неприятного ему принуждения. Для него тактика была все, а организация — ничто. Поэтому он и стал впоследствии отцом ликвидаторства.

Аксельрод неоднократно подчеркивал необходимость **«противопоставлять»** точку зрения пролетариата точке

зрения либеральной демократии. Для этого он предлагал рабочим социал-демократам посещать собрания и политические банкеты либералов и использовать малейший конфликт либералов с царским самодержавием, чтобы, с одной стороны, противопоставить позиции либералов свою социал-демократическую позицию и чтобы, с другой стороны, **подталкивать либералов, толкать их вперед.** На этой почве Аксельрод вел борьбу с экономистами, совершенно игнорировавшими оппозиционное движение либеральных и демократических элементов, и за борьбу с экономистами его в свое время похвалил Ленин. Но Аксельрод **дальше подталкивания либералов не шел.** В противоположность Ленину Аксельрод считал и в 1904 г. подробно раз'яснял, что всякое массовое боевое выступление рабочих (стачки, демонстрации), направленное **против капиталистов или царского правительства,** представляет собой выступление **низшего типа** по сравнению с выступлениями рабочих на банкетах либералов, ибо боевые массовые выступления, дескать, не дают повода для **«противопоставления** социал-демократии либеральной демократии». Эта тактическая премудрость Аксельрода, которая ограничивала задачи пролетариата в буржуазной революции тем, чтобы, подталкивая либералов, помочь либералам притти к власти, легла в основу всей тактики меньшевиков в эпоху революции 1905 г. Из-за оппортунистической позиции Аксельрода и меньшевиков, как известно, в 1904 г. в связи с аксельродовским **«планом земской кампании»** развернулись крупные споры о тактике между большевиками и меньшевиками.

Как же к этой аксельродовской позиции относились в эпоху II с'езда другие члены группы **«Освобождение труда» — Вера Засулич и Плеханов?**

Вера Засулич в противоположность Аксельроду защищала вооруженное восстание, совершенно однако не понимая значения самостоятельной руководящей роли рабочего класса и его партии в этом восстании. Именно для успеха этого восстания, говорила Засулич, необходимо отбросить аксельродовское «противопо-

ставление» социал-демократии либеральной демократии. Неоднократно в разговорах со мною Засулич с раздражением говорила: «Павел все противопоставляет и противопоставляет, когда нужно об'единять». В связи с этим позже, после 9 января 1905 г., Засулич пришла в ярость, когда прочитала ядовитый памфлет Троцкого против Струве. Троцкий сейчас же после раскола в своей брошюре «Наши политические задачи» отверг из искровского наследства вслед за Потресовым идею гегемонии пролетариата и много кое-что другого. Но, ставши таким образом горячим сторонником меньшевизма, он в то же время из старого наследства сохранил одно—резкую критику либералов. И вот, когда Засулич прочитала его ядовитый выпад против либерала Струве, она воскликнула: «Такими памфлетами можно всю революцию загубить». Аксельрод со своей стороны в разговоре со мной жаловался: «Вера Ивановна все ворчит по поводу моих противопоставлений. Она прямо-таки либералка». Этот упрек по адресу Засулич можно было бы с полным правом вернуть самому Аксельроду: он своими «противопоставлениями» без восстания тоже лишь помогал либералам притти к власти; Засулич, защищая восстание и отвергая всякое «противопоставление», оказывала только более эффективную помощь либералам. Но оба они исходили из меньшевистской формулировки нашей ближайшей цели: сейчас ближайшая цель одна — помочь либералам притти к власти.

К этой же цели по-своему хотел итти Плеханов. Плеханов был, как и Засулич, за вооруженное восстание, причем он так же, как и она, не понимал роли рабочего класса и его партии в подготовке и проведении восстания. Он вместе с тем в противоположность Засулич согласен был с Аксельродом насчет необходимости «противопоставлять» на практике и в теории нашу позицию позиции либералов (противопоставлять на словах, подчинять на деле). Но суть в том, что он, так же как и Аксельрод, рекомендовал так «противопоставлять» себя либералам, чтобы либералов не отпугнуть, чтобы их

как-нибудь не оттолкнуть в лагерь реакции, ибо он, так же как и Аксельрод и все меньшевики, держал курс на революцию, которая приведет к власти либералов. Поэтому он критиковал Струве совершенно не в таких тонах, как Ленин, поэтому он выражал недовольство статьей Ленина «Ганнибалы либерализма».

По поводу этой статьи Ленина Плеханов писал ему: «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это педантично. Надо от плохого либерала апеллировать к хорошему. Мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его. Либералов не надо теперь гладить против шерсти».

В связи с этими различными методами обращения Плеханова и Ленина с либералами интересно будет здесь привести один факт, о котором мне рассказывал Плеханов. Известно, что Лондонский с'езд нашей партии долго заседал. Под конец денег нехватило. Из трудного положения с'езд выручил один очень богатый английский либерал, который согласился дать нашей партии взаймы 80 тыс. руб. Для переговоров о займе к этому миллионеру-англичанину пошли Ленин, Плеханов и Дейч. Ленин обратился к нему с речью на русском языке, которую Плеханов переводил на английский. Ленин, рассказывал мне Плеханов, начал свою речь с того, как англичане когда-то хорошо боролись за свободу, а затем, перейдя к современным английским либералам, говорил о них с такой ядовитой иронией, что он, Плеханов, не счел возможным точно перевести речь Ленина и так передал ее «своими словами», что вместо ядовитой иронии получились вежливые комплименты. «Иначе, — пояснил мне Плеханов, — мы бы денег не получили».

Мы видим, что каждый из членов редакции «Искры» (кроме Ленина) хромал на какую-нибудь ногу, а в общем все они оказались меньшевиками, вполне пригодными для того, чтобы быть под флагом марксизма проводниками влияния либеральной буржуазии на рабочий класс.

Я уже говорил, что я пришел на с'езд почти готовым меньшевиком и через меньшевистские очки смотрел на развертывающуюся передо мной борьбу. Именно поэтому я, согласно поговорке, что «рыбак рыбака видит издалека», замечал уже в первую половину с'езда, когда искровское ядро еще дружно выступало при всяком конфликте и против явных оппортунистов (рабочедельцы и бундисты) и против «болотного» центра (южнорабоченцы и др.), что Плеханов, Мартов, Троцкий (будущие меньшевики) ставят вопросы гораздо менее принципиально, чем Ленин, — не заостряют вопросов, не подымают их на большую принципиальную высоту, не делают выводов до конца, как Ленин.

Это мне бросилось в глаза уже в самом начале с'езда при инциденте с Организационным комитетом, созвавшим с'езд. Ленин в своем «Рассказе о II с'езде РСДРП» писал: «Первым инцидентом на с'езде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый инцидент с ОК».

В чем заключался этот инцидент? ОК дважды отверг ходатайство интеллигентской социал-демократической группы «Борьба», в которую входили Рязанов и Стеклов, о ее допущении на с'езд. Мандатная комиссия с'езда на основании доклада ОК тоже вынесла заключение о недопущении группы «Борьба». Когда представитель мандатной комиссии доложил об этом на с'езде, все искровцы в дебатах поддержали заключение мандатной комиссии. Но в тот момент, когда прения были уже закрыты, перед голосованием один член ОК попросил перерыва заседания с'езда. Во время перерыва ОК имел летучее заседание, на котором большинством четырех голосов: двух южнорабоченцев—Попова (Розанова) и Егорова (Левина), одной искровки—Штейн (Александровой) и бундиста — Абрамсона (Портного), против голоса твердого искровца Павловича (Красикова) ОК пересмотрел свое прежнее решение и постановил

предложить с'езду допустить Рязанова с совещательным голосом. Одновременно ОК постановил, чтобы особое мнение Павловича (Красикова) на с'езде не было оглашено. Когда член ОК Попов доложил о решении ОК на с'езде, Павлович со своей стороны доложил, что он на летучем заседании ОК остался при особом мнении, что ОК постановил этого не оглашать, но что он не считает себя связанным решением ОК, считая самое решение ОК незаконным, ибо ОК не имел права поднимать вновь вопрос о мандатах после того, как уже сконструировалась мандатная комиссия с'езда. По этому поводу начались горячие прения о том, кто является тут нарушителем дисциплины — Павлович или ОК. С'езд раскололся на две неравные части. Почти все искровцы высказались против ОК, антиискровцы же и «болотный» центр высказались против Павловича.

Вот в это-то время впервые с речью на с'езде выступил Ленин. В протоколах с'езда эта речь Ленина совершенно теряется среди речей других искровцев (речи на с'езде не стенографировались, и речь Ленина в протоколах передана в сокращенном виде, не отражающем тех тонов, в которых она говорилась). В действительности его речь резко выделялась из всех речей искровцев. Ленин не говорил, а гремел. По мелкому, как мне казалось, вопросу дисциплины он выступил с бешеной обвинительной речью против тех, кто «осмеливается нарушать высшие суверенные права с'езда, действовать за спиной с'езда» и т. д. Его выступление на меня произвело очень сильное впечатление. Слушая Ленина, я себе сказал: «Я как будто присутствую в Конвенте. Неужели возможно, чтобы в России XX в., в эпоху ее буржуазной революции, повторилась история французского Конвента 1793 г.?»

Это не было мимолетным впечатлением. По окончании с'езда я из Лондона поехал в Париж и там засел за изучение истории Конвента, чтобы разрешить мои сомнения. В результате моего изучения родилась, увы, печально-знаменитая брошюра «Две диктатуры», которая стала катехизисом меньшевизма и эпиграфом к ко-

торой я как бы в насмешку над ее содержанием избрал слова Сен-Жюста: «Те, кто делают революцию наполовину, лишь роют себе могилу». Основой брошюры был анализ истории французского Конвента. Я указывал, что «режим «диктатуры общественного спасения» страдал внутренним противоречием: он, с одной стороны, стихийно обострял антагонизм между санкюлотами и другими слоями буржуазного общества; с другой стороны, он в лице Горы сознательно стремился искоренить классовую борьбу и привести буржуазное общество в состояние устойчивого равновесия. Очевидно, что это противоречие, суживая постепенно основу доверия к диктатуре, должно было с течением времени коренным образом изменить характер и форму ее организации. И действительно, организация диктатуры в ее окончательном виде была, так сказать, полным отрицанием ее первоначального остова... Логика мелкобуржуазной революционной диктатуры превратила народное самодержавие в его противоположность, в цезаристскую монархию»[1]. Я в брошюре доказывал, что «диктатура общественного спасения» была возможна лишь на заре буржуазных революций на континенте Европы, когда еще не выявился достаточно классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией и когда якобинские революционеры могли еще питать иллюзию, что им удастся раз навсегда положить конец классовой борьбе в демократической республике, ибо, дескать, «в республике не может быть партий, могут быть только страсти, которые прячутся... может существовать только сочетание мелких и жалких интриг» (Дантон). Эта иллюзия, говорил я, уже не могла возродиться в последовавших буржуазных революциях середины прошлого века и не возродится и в будущей буржуазной революции. Поэтому установление революционной диктатуры не мимолетного, эпизодического, а сколько-нибудь длительного характера будет уже невозможно в условиях буржуазной революции.

[1] Мартынов, Две диктатуры, стр. 40—48, Женева, 1905 г.

Что революционная диктатура, слепо копирующая якобинскую диктатуру 1793 г., ставившую себе целью искоренить классовую борьбу еще до уничтожения буржуазного общества, не сможет существовать во время грядущей буржуазной революции,—это была истина, не требовавшая специальных научных изысканий. Но из этой истины я делал оппортунистический вывод, будто вообще никакая революционная диктатура невозможна больше при буржуазной революции. Что современная эпоха империализма может породить новую, еще небывалую в истории форму буржуазной революции, создающую революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, отнюдь не прекращающую классовой борьбы, а, наоборот, в ожесточенной классовой борьбе перерастающую в пролетарскую революцию, в диктатуру пролетариата,—это и на ум мне не приходило. История мне, как и Плеханову, показала, как бог Саваоф Моисею, лишь «заднюю свою», говоря словами Маркса.

Суть моей брошюры заключалась не в основной ее части, посвященной истории Конвента, а в тех выводах, которые я, «вооружившись» уроками этой истории, делал во вводной и в заключительной части этой брошюры. Эти выводы были, выражаясь словами Ленина, типично хвостистские. В вводной части брошюры я ринулся в бой против Ленина и большевиков, в заключительной части я в положительной форме изложил программу меньшевиков в революции.

Совершенно не понимая и не учитывая условий наступившей эпохи империализма вообще и тех специфических условий, при которых Ленин в период старой «Искры», а затем на II с'езде партии закладывал основание большевистской партии и при которых писалась брошюра «Что делать?»; совершенно не понимая и не учитывая, какую огромную роль должна была играть в победе российской революции организация профессиональных революционеров; ничего не смысля в действительно марксистском разрешении проблемы соотношения стихийности и сознательности в рабочем

вижении, которую дал Ленин; не учитывая, что в то время не по чьей-либо злой воле, а по необходимости партийные комитеты состояли еще почти исключительно из интеллигентов и т. д. и т. п.,—я обрушился на Ленина за то, что он, дескать, по-якобински, по-заговорщически, по-бланкистски искажает тактические истины, сформулированные «основоположниками русского марксизма» Плехановым и Аксельродом, и воскрешает «субъективный метод социологии» и теорию «героев и толпы»; за то, что он строит якобинскую организацию профессиональных революционеров, ставящую себе целью вносить социалистическое сознание в рабочий класс извне и якобы «замещать» самодеятельность пролетариата.

С той же хвостистской критикой я обрушился на утверждения Ленина, что организация «Искры» будет готова на все, «кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания», поучая большевиков, что народная революция, дескать, не может быть заранее назначена, что она «сама совершается». Но главное обвинение, которое я выдвинул против Ленина, заключалось в том, что он явно держит курс на установление революционной диктатуры в грядущей буржуазной русской революции. Если партия, говорил я, следуя указаниям Ленина, организует и возглавит всенародное восстание и если это восстание победит, то партия вынуждена будет взять власть в свои руки в буржуазной революции, а это, дескать, приведет ее к неминуемому банкротству. Этому «якобинскому» плану я противопоставлял свою программу действий в грядущей буржуазной революции: «Мы должны твердо помнить, что социал-демократия есть и должна остаться вплоть до социалистической революции партией крайней оппозиции в отличие от всех других партий... Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его

«верхи» согласиться (!) довести буржуазную революцию до ее логического конца». (Предвкушение последующей теории — Zwingt die Bonzen! [1]). Задача пролетариата, говорил я, в буржуазной революции заключается в том, чтобы «заставить буржуазию углубить и укрепить свою революцию». «Предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня».

Это была «научно» обоснованная теория, что задача социал-демократии в эпоху буржуазной революции заключается в том, чтобы быть **охвостьем либеральной буржуазии**, и эту задачу меньшевизм на всем протяжении своей истории добросовестно осуществлял.

Я не стану здесь подробно критиковать мою брошюру «Две диктатуры», являющуюся классическим и чистейшим перлом меньшевизма и дающую наметки оппортунистической тактики по всем вопросам русской революции. Это блестяще сделал Ленин в своих «Двух тактиках» и в своем «Докладе на III с'езде партии», и нет надобности хотя бы одно слово прибавить к его критике. Напомню только, с чего Ленин начал на III с'езде свой доклад по вопросу об участии социал-демократии во временном революционном правительстве:

«Моя задача — изложить постановку вопроса об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела социал-демократии обстоят великолепно и вероятность ее участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы донкихотством. Но вопрос этот навязан нам не столько практически

[1] Zwingt die Bonzen — заставьте бонз. Это был лозунг оппортунистов, особенно брандлеровцев, которые выступали против самостоятельного красного профдвижения, за то, чтобы «принуждать» с а м и х профбюрократов вести классовую борьбу.

ложением дел, сколько литературной полемикой. Необходимо всегда иметь в виду, что вопрос этот первый поднял Мартынов еще до 9 января. Вот что он писал в своей брошюре «Две диктатуры» [1].

Дальше Ленин излагает то место в «Двух диктатурах» [2], где доказывается, что в случае назначения и проведения партией «всенародного вооруженного восстания» и в случае победы его партия вынуждена и обязана будет взять власть в условиях буржуазной революции, что поведет, дескать, к катастрофе. (Местные восстания я и некоторые другие меньшевики в 1905 г. доказывали. Меньшевики даже кое-где участвовали в местных восстаниях, **поскольку они могли помочь трусливым либералам притти к власти**, но всенародного восстания, возглавляемого социал-демократической партией, мы чурались, как «великого несчастья».)

Приведя это место, в котором я пугал партию победой и доказывал, что мы не смеем победить, Ленин продолжал: «Такая постановка вопроса невероятна, но фактически она такова: Мартынов находит, что если бы мы очень хорошо подготовили и двинули восстание, то очутились бы в отчаянном положении. Если бы мы изложили наш спор какому-нибудь иностранцу, то он никогда не поверил бы в возможность такой постановки вопроса и не понял бы нас. Только зная историю воззрений российской социал-демократии и зная характер «хвостистских» воззрений «Рабочего Дела», можно понять наш спор» [3].

Как Ленин реагировал на мою брошюру «Две диктатуры», хорошо известно. Но едва ли известно, как на нее реагировал Плеханов. Я, написав свою брошюру, в Женеве прежде всего показал ее Плеханову. **Он с ней совершенно согласился и даже весьма ее похвалил.** Он только внес в нее одну поправку, которую я тут же принял. Находясь под влиянием фальсифицированного,

[1] Ленин, т. VII, стр. 262, изд. 3-е.
[2] Мартынов, Две диктатуры, стр. 10—11, 1905 г.
[3] Ленин, т. VII, стр. 262, изд. 3-е.

искаженного Каутским предисловия Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» и статей Парвуса и Розы Люксембург, доказывавших, что в настоящую эпоху дескать, баррикадные бои уже невозможны и что их заменят теперь массовые политические забастовки, я в этом духе высказался в брошюре. Тогда не было еще известно о фальсификации, произведенной над этим предисловием Энгельса немецкими социал-демократами с целью представить его противником вооруженного восстания. Но Плеханов мне сказал: «Советую вам вы бросить это место. Я не допускаю, чтобы Энгельс стал отрицать возможность баррикадных боев. Это дело надо еще расследовать». Успокоив таким образом свою совесть реабилитацией революционной чести Энгельса, Плеханов тут же подписался под всем оппортунистическим вздором, нагроможденном в брошюре «Две диктатуры» [1]. Для прошлого он был ортодокс, для настоящего и будущего оппортунист.

Возвращаюсь к истории II с'езда и к речи Ленина, которая толкнула меня на изучение истории Конвента. Ленин говорил «бешенее» других искровцев. Чем же его позиция в вопросе о приглашении Рязанова и об инциденте с ОК отличалась от позиции искровцев, пошедших ставших меньшевиками,—Плеханова, Мартова, Троцкого? Ведь они выступали в это время, как и вообще во всю первую половину с'езда, единым фронтом с Лениным, ведь они тоже были против допущения Рязанова на с'езд, ведь они тоже брали под защиту поступок Павловича и осуждали ОК.

Все это так, а все-таки мне бросалось в глаза наличие двух оттенков. Для выяснения этого я остановлюсь на двух, связанных друг с другом вопросах: 1) на вопрос

[1] Да и в этой защите чести Энгельса Плеханов проявлял большие колебания. Так в 1900 г. он писал:
«К концу своей жизни Энгельс значительно изменил свой взгляд на роль открытых восстаний в освободительной борьбе пролетариата, между тем как в эпоху опубликования «Манифеста» он и Маркс считали открытое восстание неизбежным условием победы рабочего класса» (Плеханов, Предисловие «Коммунистическому манифесту», т. XI, стр. 329).

по существу о приглашении Рязанова и 2) на формальном вопросе о нарушении дисциплины.

Начну с вопроса по существу об отношении к группе «Борьба». Группа «Борьба» следующим образом мотивировала свое ходатайство о ее допущении на съезд: «Из опубликованного в двух различных изданиях в России нашего проекта программы видно, что в некоторых своих частях **он резко отличается от единственного опубликованного до сих пор проекта («Искры» и «Зари»).** Мы думаем, что в интересах всестороннего обсуждения нашей будущей программы нам должна быть предоставлена возможность и высказать наши взгляды на съезде, и участвовать своим вотумом в принятии партийной программы. Для нас несомненно, что в пределах революционного марксизма **мы представляем оттенок, несколько отличный от направления «Искры»**[1] (подчеркнуто мною.— **А. М.**). Итак мотив ходатайства Рязанова и его группы об их допущении на с'езд заключался в том, что группа представляет особый «оттенок», отличный от «Искры», и что это нашло свое выражение в особом проекте программы.

Почему ОК, в большинстве своем «болотный», перед с'ездом отверг дважды ходатайство группы? Потому что он отвергал приведенный мотив группы? Отнюдь нет. ОК в своей «Об'яснительной записке к проекту устава II с'езда РСДРП» так об'яснил, почему он не включил группу «Борьба» в перечень приглашенных: «В перечне нет группы «Борьба», так как эта группа, выступив весной с листком, с тех пор не возобновляла своего издания, и так как по роду и об'ему ее деятельности **у нас нет оснований думать, что она представляет собой какое-либо особое течение в социал-демократии** (подчеркнуто мною. — **А. М.**) **или имеет значительное влияние на движение».**

Мы видим таким образом, что «болотный» ОК был совершенно согласен в принципе с группой «Борьба» и

[1] См. «Протоколы II с'езда РСДРП», приложения. Партиздат, 1932 г., стр. 438, 439.

искаженного Каутским предисловия Энгельса к «Клас совой борьбе во Франции» и статей Парвуса и Роз Люксембург, доказывавших, что в настоящую эпоху дескать, баррикадные бои уже невозможны и что н заменят теперь массовые политические забастовки, я этом духе высказался в брошюре. Тогда не было ещ известно о фальсификации, произведенной над эти предисловием Энгельса немецкими социал-демократам с целью представить его противником вооруженног восстания. Но Плеханов мне сказал: «Советую вам вы бросить это место. Я не допускаю, чтобы Энгельс ста отрицать возможность баррикадных боев. Это дело на до еще расследовать». Успокоив таким образом свою совесть реабилитацией революционной чести Энгельс Плеханов тут же подписался под всем оппортунистиче ским вздором, нагроможденном в брошюре «Две дикта туры»[1]. Для прошлого он был ортодокс, для настоя щего и будущего оппортунист.

Возвращаюсь к истории II с'езда и к речи Ленин которая толкнула меня на изучение истории Конвент Ленин говорил «бешенее» других искровцев. Чем ж его позиция в вопросе о приглашении Рязанова и о инциденте с ОК отличалась от позиции искровцев, по ле ставших меньшевиками,—Плеханова, Мартова, Тро кого? Ведь они выступали в это время, как и вообщ во всю первую половину с'езда, единым фронтом с Ле ниным, ведь они тоже были против допущения Рязанова на с'езд, ведь они тоже брали под защиту посту пок Павловича и осуждали ОК.

Все это так, а все-таки мне бросалось в глаза наличи двух оттенков. Для выяснения этого я остановлюсь н двух, связанных друг с другом вопросах: 1) на вопро

[1] Да и в этой защите чести Энгельса Плеханов проявлял бол шие колебания. Так в 1900 г. он писал:

«К концу своей жизни Энгельс значительно изменил сво взгляд на роль открытых восстаний в освободительной борь пролетариата, между тем как в эпоху опубликования «Ман феста» он и Маркс считали открытое восстание неизбежным у ловием победы рабочего класса» (Плеханов, Предисловие «Коммунистическому манифесту», т. XI, стр. 329).

по существу о приглашении Рязанова и 2) на формальном вопросе о нарушении дисциплины.

Начну с вопроса по существу об отношении к группе «Борьба». Группа «Борьба» следующим образом мотивировала свое ходатайство о ее допущении на съезд: «Из опубликованного в двух различных изданиях в России нашего проекта программы видно, что в некоторых своих частях **он резко отличается от единственного опубликованного до сих пор проекта («Искры» и «Зари»).** Мы думаем, что в интересах всестороннего обсуждения нашей будущей программы нам должна быть предоставлена возможность и высказать наши взгляды на съезде, и участвовать своим вотумом в принятии партийной программы. Для нас несомненно, что в пределах революционного марксизма **мы представляем оттенок,** несколько отличный от направления «Искры»[1] (подчеркнуто мною.— А. М.). Итак мотив ходатайства Рязанова и его группы об их допущении на с'езд заключался в том, что группа представляет особый «оттенок», отличный от «Искры», и что это нашло свое выражение в особом проекте программы.

Почему ОК, в большинстве своем «болотный», перед с'ездом отверг дважды ходатайство группы? Потому что он отвергал приведенный мотив группы? Отнюдь нет. ОК в своей «Об'яснительной записке к проекту устава II с'езда РСДРП» так об'яснил, почему он не включил группу «Борьба» в перечень приглашенных: «В перечне нет группы «Борьба», так как эта группа, выступив весной с листком, с тех пор не возобновляла своего издания, и так как по роду и об'ему ее деятельности **у нас нет оснований думать, что она представляет собой какое-либо особое течение в социал-демократии** (подчеркнуто мною. — А. М.) **или имеет значительное влияние на движение».**

Мы видим таким образом, что «болотный» ОК был совершенно согласен в принципе с группой «Борьба» и

[1] См. «Протоколы II с'езда РСДРП», приложения. Партиздат, 1932 г., стр. 438, 439.

с Рязановым, что на с'езде должны быть представлены «особые течения»; он лишь отрицал **факт,** что эта группа собою представляет какое-то влиятельное особое течение. И это отрицание факта, а не принципа, было одним из главных оснований, почему ОК вначале был против приглашения Рязанова. Мы видим, что ОК, так же как и Рязанов, представлял себе организацию партии по обычному шаблону социал-демократических партий II Интернационала: партия есть сумма разных течений.

Чем мотивировали на с'езде Плеханов, Мартов, Троцкий—будущие меньшевики, шедшие пока с Лениным, свое отрицательное отношение к приглашению Рязанова? **Они обходили поднятый Рязановым общий вопрос о праве особых течений как таковых быть представленными на с'езде.** Плеханов был против приглашения Рязанова потому, что его критика программы «Искры» свидетельствовала либо «об его умственной бедности», либо о «желании путать вопросы по соображениям личного свойства». Мартов был против приглашения Рязанова потому, что он был против предоставления привилегии маленьким эмигрантским группкам по сравнению с русскими кружками, далее потому, что за группой Рязанова никто в России не стоял, наконец потому, что «группа «Борьба» является воплощением того периода организационного хаоса в истории нашей партии, который характеризовался дроблением, **не вызываемым никакими принципиальными соображениями»**[1] (подчеркнуто мною.—А. М.). У Мартова, как и у Плеханова, главным мотивом против приглашения Рязанова являлось отсутствие особых принципов у группы. И Троцкий говорил о беспринципности и переметчивости группы «Борьба».

Ленин был наиболее ярым противником приглашения Рязанова, он рассматривал перерешение этого вопроса Организационным комитетом за спиной с'езда как прямую измену «Искре». По каким мотивам? Ленин

[1] См. «Протоколы II с'езда РСДРП». Партиздат, 1932 г. стр. 27.

согласен был с рядом мотивов, которые высказал и приводил на с'езде Мартов против приглашения Рязанова (об этом он говорил в брошюре «Шаг вперед, два шага назад»). Но основным у него был другой мотив. В противоположность ОК, который был за представительство разных течений, в отличие от Плеханова, Мартова и Троцкого, которые этот вопрос обходили (тем самым на деле поддерживая принцип представительства разных течений), Ленин главное ударение ставил именно на том, что партия не должна быть суммой разных течений, что партия должна быть искровской и только искровской. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин писал: «В чем же состояла главная задача с'езда? В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой» [1].

При обсуждении в дальнейшем вопроса о месте Бунда в партии Ленин выступил с речью, в которой он в ответ на обвинение бундовца Гофмана (Коссовского), что «с первого же абцуга на с'езде образовалось компактное большинство, которое выступило по отношению к нам, как сторона», сказал: «По-моему, не стыдиться, а гордиться должны мы, что на с'езде есть компактное большинство. **И еще больше гордиться будем мы, если вся наша партия будет одним компактным и компактнейшим 90% большинством»** [2]. Вот эти слова, сказанные Лениным, означали провозглашение нового организационного принципа — принципа построения монолитной партии, «партии, как единства воли, несовместимого с существованием фракций» (Сталин), партии, отличной от всех партий II Интернационала. Вот об этом-то не говорили на с'езде ни Плеханов, ни Мартов, ни Троцкий.

Когда я слышал первые две речи Ленина (об ОК и о Бунде), я понял, что ленинцы—не искровцы вообще, а именно последовательные искровцы—хотели об'единения партии не на основе примирения разных течений,

[1] Ленин, т. VI, стр. 164, изд. 3-е.

[2] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 87. Подчеркнуто мною. — А. М.

а на основе победы революционной социал-демократии над всеми видами оппортунизма. Именно потому, что я это понял, я голосовал за приглашение группы «Борьба», против Ленина, вместе с Акимовым. Я был против ликвидации течений потому, что я сам был представителем одного из течений в партии, потому, что удар по «Борьбе» был ударом и по моему оппортунизму.

Поэтому же искровцы настаивали и настояли, чтобы вопрос о месте Бунда в партии был поставлен на первое место в порядке дня, чтобы сразу же пресечь возможность влияния федералистов-бундистов на ход работы с'езда, если они от своего федерализма не откажутся. На с'езде получилось не совсем то, чего хотели последовательные искровцы. На с'езде выявилось, что побежденный экономизм возродился в новой форме меньшевизма. Но именно потому последовательные искровцы на с'езде и раскололись с непоследовательными и заложили основу своей, большевистской партии.

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться, был вопрос о дисциплине, вопрос, который поднял член ОК южнорабочинец Егоров (Левин), обвинивший Павловича (Красикова) в том, что тот, дескать, нарушил «дисциплину» по отношению к ОК, запретившему ему огласить на с'езде свое особое мнение. И тут выявилось уже сразу различие в оттенках между искровцами, ставшими потом меньшевиками, и последовательными искровцами.

Первые выставляли формальные доводы в защиту Павловича. Плеханов говорил, что Павлович не нарушил партийной дисциплины, ибо императивных мандатов на с'езде нет, ибо дисциплина по отношению к высшей инстанции — с'езду стоит выше дисциплины по отношению к низшей инстанции — ОК. Кольцов говорил, что ОК, внесший свое новое предложение о приглашении Рязанова, поступил формально неправильно, ибо с момента конституирования мандатной комиссии с'езда полномочия ОК в деле определения состава с'езда переходят к мандатной комиссии. Мартов сказал: «Разумеется, в пределах единой партии возможны свобод-

е группировки, определяемые убеждениями и требо-
ниями совести, которые собирают тех или иных чле-
в партии по тем или другим вопросам. Но никакая
инудительная группировка внутри единой партии не-
пустима».

Мы видим, что Плеханов, Мартов и Кольцов выстав-
ли такие положения в защиту Павловича и против
, которых в принципе не отвергали и не отвергают
партии II Интернационала. И если бы дело шло
лько о соблюдении этих правил, то не стоило бы
авловичу из-за не очень значительного нарушения их
нять скандал и с самого начала с'езда выступить
отив ОК, созвавшего с'езд, и не стоило бы Ленину
ступать с такой бешеной обвинительной речью про-
ОК. Но дело для Ленина и последовательных
ровцев шло о чем-то гораздо более важном, о по-
роении партии **нового типа** на началах **строжайшего**
ократического централизма. И это именно Ленин
черкивал в своей речи по поводу инцидента с ОК,
своей следующей речи о месте Бунда в партии и в
ей брошюре «Шаг вперед, два шага назад». Ленин
с'езде говорил: «Неужели не ясно, что централизм
бует **отсутствия** всяких перегородок между центром
амыми отдаленными, самыми захолустными частями
тии. Наш центр получит безусловное право дохо-
ь непосредственно до каждого отдельного члена
тии» [1]. Между прочим по поводу этого высказыва-
Ленина бундовец Либер истерически воскликнул:
о чудовищно!»

Ленин, обобщая смысл спора в связи с инцидентом
ОК, говорил в своей брошюре «Шаг вперед, два шага
ад»: «Спорный вопрос сводится, таким образом, к
лемме: кружковщина или партийность? Ограничение
в делегатов на с'езде во имя воображаемых прав или
авов разных коллегий и кружков, или **полное**, не на
вах только, а на деле, распущение **всех** низших ин-
нций и старых группок перед с'ездом впредь до со-

[1] См. «Протоколы II с'езда РСДРП». Партиздат, 1932 г., стр. 88.

здания действительно партийных должностных уч
ждений. Читатель видит уже отсюда, какую гром
ную принципиальную важность имел этот спор в са
начале с'езда (3-е заседание), поставившего себе цел
фактически восстановить партию. На этом споре ско
центрировался, так сказать, конфликт старых кружк
и группок (вроде «Южного рабочего») с возрожда
щейся партией» [1].

Чтобы покончить с инцидентом с ОК, я коснусь е
только одного вопроса. Почему члены ОК на с'езде
ременили свою позицию в вопросе о приглашении Р
занова? Почему главный инициатор этого пересмот
Штейн (Александрова), ранее в мандатной комисс
высказывавшаяся против допущения Рязанова, зат
упорствовала на пересмотре вопроса вплоть до выхо
из организации «Искры»? Потому что она внезапно
менила свой взгляд на Рязанова? Конечно нет. На эт
вопрос ответил на с'езде член ОК южнорабоченец Е
ров (Левин): «Организационный комитет принял э
решение не потому, что он изменил свое отношение
группе «Борьба», но потому, что хочет устранить ли
ние камни на пути будущей центральной организац
партии при первых шагах ее деятельности». Други
словами, ОК хотел, чтобы после с'езда наконец наст
пил «мир» в партии, чтобы прекратилась внутрипарт
ная борьба. Мартов по этому поводу сказал, отвеч
Егорову: «Когда наше направление было всюду в мен
шинстве, мы не боялись того, что могут сказать люди
я советую Организационному комитету и теперь, ког
наше направление стало силой, не бояться того, что л
ди скажут». Хорошо сказал Мартов. Но это был лиш
замирающий отголосок его прежней борьбы с эко
мизмом, в которой Мартов, по выражению Ленин
«бился в первых рядах с открытым забралом» и вмес
с ним, Лениным, «переобидел такую кучу народа». Э
был лишь отголосок прошлого, и мы увидим дальш
на основании слов самого Мартова, что он сам, как

[1] **Ленин, т. VI, стр. 170.**

ольшинство редакции старой «Искры», в противопо-
ожность Ленину, уже с самого начала с'езда стремился
той же самой цели, что и ОК — водворить «мир» в
артии. Я не хочу этим сказать, что Мартов лгал или
ицемерил, отвечая Егорову. Отнюдь нет. Мартов был
езусловно искренний человек. Но у мягкого Мартова
на с'езде боролись две души. В первую половину с'езда
Мартова, у которого еще не совсем остыл пыл старой
орьбы с экономизмом и которого Ленин «держал в
трогости», верх еще в основном брала искровская ду-
а. Но когда споры на с'езде, благодаря оппортуни-
тическим ошибкам его, Мартова, и Аксельрода, созда-
и глубокую трещину в искровском лагере, когда Мар-
ов в § 1 устава при поддержке всех оппортунистов
держал победу (пиррову победу!) над Лениным и когда
н в тесной редакционной коллегии «Искры» почувство-
л уже себя перед лицом строгого Ленина «сам-
тверт» (Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов), у него
асцвела окончательно вторая душа — меньшевист-
кая.

●

Перехожу к другому эпизоду, имевшему место в
ервую половину с'езда, прошедшему без всякого шу-
а, почти незаметно, но тем не менее весьма поучитель-
ому. Я имею в виду прения по поводу моего выступ-
ления [1] на с'езде по программному вопросу.

Я на с'езде предложил одну, «только» одну поправ-
у к программе, но поправку по основному вопросу —
соотношении сознательности и стихийности. В проек-
е программы говорилось: «Растет число и сплочен-
ость пролетариев, и обостряется их борьба с **эксплоа-
торами**». Вместо этого я предложил сказать: «Растет
исло, сплоченность и **сознательность** пролетариев, и
бостряется борьба рабочей **массы** с **эксплоатацией**».
указывал, что в других социал-демократических про-

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 109—120.

граммах отмечается, что «развитие капиталистическог
общества необходимо создает не только материальны
но и духовные условия для осуществления социализм
т. е. содействует развитию классового сознания проле
тариата, обостряет его борьбу против всего капитали
стического строя», а в предлагаемом с'езду проек
программы этого нет. И это я приписывал влиянию Ле
нина, который в своем «Что делать?» писал: «Стихий
ное развитие рабочего движения идет именно к подчи
нению его буржуазной идеологии... История всех стра
свидетельствует, что исключительно своими собстве
ными силами рабочий класс в состоянии выработат
лишь сознание тред-юнионистское... Социал-демокра
тическое сознание могло быть принесено только извне
Извращая суть этих формулировок Ленина, я в своем
выступлении на с'езде возвел на Ленина клеветническое
обвинение, будто, согласно его «Что делать?», «распро
странение социализма в рабочей среде должно вылить
ся в форму **борьбы** между идеологией пролетариата и
его **собственными** стихийными стремлениями», будто
«Что делать?» нужно понимать «в смысле антагонизма
между социал-демократией и стихийным развитием ра
бочего движения», будто роль партии, по Ленину, за
ключается не в том, чтобы быть авангардом рабочего
класса, а в том, чтобы бороться со стихийным движе
нием самого рабочего класса, будто теория Ленина про
водит «глубокую борозду между руководящими эле
ментами движения и рабочей массой, между деятель
ностью замкнутой партии и широкой борьбой рабочего
класса».

Эта моя клевета на Ленина была аналогична клевете
вождя грузинских меньшевиков Н. Жордания (Ан.), ра
зоблаченной т. Сталиным.

В статье «Что такое партия?» Жордания обвинял
большевиков в том, что они «выдумывают новые те
ории, вроде того, что рабочий класс собственными си
лами не может **усвоить** высокие идеалы» (подчеркнуто
мною. — А. М.).

Разоблачая эту клевету в своей брошюре «Вскольз
в

партийных разногласиях», изданной нелегально в 905 г., т. Сталин заявлял:

«Спрашивается, выставляло ли большинство когда-нибудь и где-нибудь подобные «теории»? Никогда и нигде! Напротив, идейный представитель «большинства», т. Ленин, говорит ясно, что рабочий класс очень легко **усваивает** «высокие идеалы», легко **усваивает** социализм. Послушаем его: «Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно справедливо в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому **рабочие и усваивают ее** (социалистическую теорию) **так легко**».

Как видно «большинство» того мнения, что рабочие легко усваивают те «высокие идеалы», которые носят название социализма. Но тогда к чему-же это усердие не по разуму упорного Ан. и где он откопал свое странное «открытие»? Дело в том, читатель, что «критик» Ан. имел в виду совершенно другое, он хотел коснуться того положения автора «Что делать?», где он говорит о **выработке** социализма, где он утверждает, что рабочий класс своими собственными силами **не может выработать** научный социализм. Но одно дело **выработка** социализма и другое—его **усвоение**, скажет читатель. Почему Ан. пропустил мимо ушей те слова, где Ленин отчетливо говорит об **усвоении** «высоких идеалов»? Вы правы, читатель, но что делать Ан-у, когда ему уж очень хочется быть «критиком»? Подумайте, сколько героизма: составить свою собственную «теорию», приписать ее противникам и потом беспощадно бомбардировать свои же призраки! Это называется критикой! Во всяком случае нельзя сомневаться, что Ан. не смог «усвоить» своими собственными силами книгу Ленина «Что делать?».

Нетрудно видеть, что моя «критика» по существу ничем не отличалась от «критики» Жордания, была так же неосновательна и так же вредна. Я, строя свою речь, тщательно отгораживался от уже разбитого экономизма для того, чтобы обосновать новую форму оппорту-

низма—меньшевистскую. Я, в целях этого отмежевания от экономизма, приводил множество цитат из Маркса и Энгельса и множество исторических иллюстраций, наговорил кучу всяких «ортодоксальных» фраз... о том, что пролетариат не вытягивает свою идеологию из собственной спины, как паук свою паутину, что он **образовывал и изменял** полученное от прогрессивной буржуазии наследство соответственно **своему** классовому положению, что сама буржуазия в свое время вовлекла его в политическую борьбу и т. д. и т. п. Но все это я говорил для того, чтобы путем ряда незаметных переходов обосновать антимарксистский, экономистско-меньшевистский тезис, принижающий роль теории и роль партии в рабочем движении.

Я сам в своем докладе привел иллюстрации, свидетельствующие о беспомощности стихийных попыток рабочих найти путь к своему освобождению. Я говорил: «Социальные идеалы чартистов и французских так называемых «социал-демократов» были весьма смутные. Первые мечтали о частичной национализации земли, о развитии мелкой аренды, о государственной помощи ассоциациям. У вторых бродили неясные идеи о «праве на труд», об «организации труда». Они мечтали осуществить социализм **рядом** с буржуазным строем, а не на развалинах его. Наконец те пролетарии, которые сознали необходимость социальной революции (вейтлингианцы), не умели связать с этой идеей сознания необходимости политической борьбы».

Я сам в своем докладе говорил, что «в то время, как выработка вышеуказанных форм была преимущественно продуктом опыта и мысли тех или других слоев пролетариата, создание теории научного социализма предполагало такую обширную научную подготовку, которой могли обладать только профессиональные интеллигенты—выходцы из имущих классов. Таковыми и **были творцы научного социализма Маркс и Энгельс**».

И несмотря на все это, я пришел к выводу, противоположному выводу Ленина и искажающему историческую роль Маркса и Энгельса;

«Ко времени появления «Коммунистического манифеста» элементы современного социалистического движения — борьба труда с капиталом, политическая борьба пролетариата под собственным знаменем и идея социальной революции — уже были налицо, но эти элементы, выработанные различными слоями пролетариата, не были еще связаны между собой. А пока они не были координированы, пролетариат не мог освободиться окончательно от буржуазного влияния, не мог итти твердой поступью к своему полному освобождению. Для увенчания здания социализма необходимо было свести в одно стройное целое указанные его элементы и дать теоретическое обоснование всему движению. Эта великая работа была выполнена основателями научного социализма Марксом и Энгельсом».

Таким образом в моем изображении процесс развития рабочего движения к марксизму был процессом гладким, **без борьбы** (с домарксовым «социализмом») **и без скачков.** И сам марксизм в моем изображении был только **механической связкой** уже готовых, но «не координированных» элементов, выработанных самими рабочими. То великое, **качественно новое**, что дал марксизм, тот переворот, который Маркс и Энгельс произвели в общественной науке и в философии, мною замазывались. Это было полное извращение истории! Это было то самое принижение роли теории, которое так справедливо бичевал Ленин в «Что делать?». Ленин бичевал за это экономистов, но принижение теории сохранилось в очень значительной степени и у наследников экономизма — у меньшевиков и было характерно для всех «ортодоксов» II Интернационала.

А как я в своей речи трактовал огромной важности вопрос о влиянии буржуазной идеологии на рабочий класс **после** основания научного социализма Марксом и Энгельсом? Я в своем докладе об этом прямо ничего не говорил, но по существу решал этот вопрос оппортунистически. Я говорил: **«Но пока на историческую сцену не выступил пролетариат — истинный носитель социализма,—социализм имел и неизбежно дол-**

жен был иметь характер либо утопический, либо мелкобуржуазный. Но вот наступают 30-е годы, пролетариат повсюду поднимает голову, и мы ясно видим, как под его напором и при его участии идеи социализма быстро начинают менять свое содержание. Лабораторией для этого преобразования служит серия французских тайных обществ, к которым аффилируются [1] немецкие... Серия эта завершается «Союзом коммунистов», издавшим «Коммунистический манифест». Из этих слов можно догадаться, что **мелкобуржуазный социализм по моему мнению существовал только до Маркса, что после прихода Маркса мелкобуржуазный социализм уже сошел со сцены.** Далее, во время программной дискуссии на с'езде я это уже более определенно говорил: «Чтобы отстоять теорию т. Ленина, т. Мартов ее предварительно подправляет. Он говорит, в массе пролетариата имеются противодействующие (противоборствующие) тенденции — к социализму и буржуазности, — и вот, дескать, интеллигенция совершает искусственный подбор в этих тенденциях. Я утверждаю, что и в этом исправленном виде теория т. Ленина ложная. Тенденции к буржуазной идеологии рабочее движение вообще не имеет. Оно постольку несит буржуазный отпечаток, поскольку оно **еще не освободилось** от влияния буржуазной атмосферы, в которой оно выросло и в которой оно развивается. Тов. Ленин же утверждает, что стихийное рабочее движение не то что исходит, а идет к подчинению буржуазной идеологии, а это безусловно неверно» [2].

Тут чрезвычайно характерно благодушное отношение к оппортунистической опасности, отрицание этой опасности, опасности, которую так ярко сигнализировал Ленин. С моей стороны естественно было этого не замечать. Ведь я сам был персональным выразителем этой опасности. Не надо, конечно, себе представлять это дело так просто, что я, как и другие будущие

[1] Присоединяются.
[2] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 124—125.

меньшевики, игнорировал, например, существование ревизионизма — бернштейнианства и мильеранизма. Я уже писал, что еще в Чернигове, в 1899 г., я занял позицию против Бернштейна. Но я не допускал мысли, что ревизионизм может пустить глубокие корни в рабочем движении. «Отпор», который Бернштейн встретил со стороны Бебеля, Каутского и других «ортодоксальных» марксистов II Интернационала, меня лично укреплял в убеждении, что этот эпизод будет скоро ликвидирован и что он не представляет серьезной опасности для рабочего движения, «стихийно идущего к социализму». Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что оппортунизм уже одерживает победу во II Интернационале и что носителем его является тот самый Каутский, которого прозвали «красным папой», то я, как и все будущие меньшевики, принял бы это за бред.

И в результате, умалчивая про то, что буржуазия всяческими способами старается подчинить рабочее движение своему влиянию и что партия обязана вести против этого беспощадную борьбу, я грубо оппортунистически суживал задачи партии. В противоположность Ленину, который якобы проводил «глубокую борозду между руководящими элементами движения и рабочей массой», но который в действительности поднимал роль партии — авангарда рабочего класса — все выше и выше и подтягивал массы к их авангарду, я принижал роль авангарда, подтягивая его к отсталой массе.

Характерно для моего доклада было не только то, что я сказал, но еще больше то, о чем я в нем умолчал и о чем нельзя было умолчать, говоря об отношении стихийности к сознательности, не искажая всего вопроса. Наговорив кучу «ортодоксальных» фраз и связав их эклектически с оппортунистическими «истинами», я умолчал о **главном**, наиболее актуальном. Я умолчал о том, что в то время, как пролетариат ищет пути для выхода из капиталистического рабства, в то время, как его передовые слои этот путь находят, становясь под знамя марксизма, буржуазия, несравненно лучше во-

оруженная, чем пролетариат, делает отчаянные усилия, чтобы удержать пролетариат под своим влиянием, и что она для этого через свою мнимо социалистическую агентуру в рабочем классе стремится сломать его идеологическое оружие и извратить марксизм. Я умолчал, что необходима монолитная, строго выдержанная, централизованная, проникнутая железной дисциплиной марксистская партия, для того чтобы в беспощадной борьбе с оппортунизмом вырвать пролетариат из-под влияния буржуазии, поднять его до роли гегемона в революционном движении и привести его к победоносной пролетарской революции, к установлению диктатуры пролетариата. Вот обо всем том, что отличает большевиков от всех партий II Интернационала, я умолчал. Все это я пытался замазать своей поправкой. Поэтому моя речь была насквозь меньшевистской.

Она представляла собой не вульгарную и безграмотную, как у экономистов, а хорошо выкрашенную под ортодоксальный марксизм, хорошо прикрытую и **тем более вредную и опасную защиту преклонения перед стихийностью — хвостизм.**

Как же будущие меньшевики, а пока выступавшие единым фронтом с Лениным, как Мартов, Плеханов, Троцкий реагировали на мою речь?

Троцкий по поводу моего доклада ограничился указанием на «полное несоответствие его общего размаха и его конечного вывода» (он имел в виду, что вопреки «большому размаху» доклада я внес только одну поправку в программу). Зато он напал на Акимова, внесшего десятки поправок. И хотя речь Троцкого была очень маленькой, он умудрился в ней уместить целую ревизионистскую теорию, по-меньшевистски извращавшую центральный пункт программы. Успокаивая Акимова, которого «пугает диктатура пролетариата», Троцкий говорил: «Он (Акимов) забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс — противопоставление которых его так смущает — **будут наиболее близки к отождествлению (!).** Диктатура пролетариата будет не

конспираторским «захватом власти», а политическим господством организованного рабочего класса, составляющего большинство нации!» Таким образом Троцкий «для успокоения Акимова» отложил установление диктатуры пролетариата на то время, когда, во-первых, большинство крестьян станут пролетариями и пролетариат станет «большинством нации» (одна из предпосылок его будущей теории невозможности построения социализма в одной, отдельно взятой, России), когда, во-вторых, почти весь рабочий класс вступит в нашу партию. Но Троцкий играл роль второстепенную. Интереснее, как реагировали на мою речь Мартов и Плеханов в начале с'езда, когда они еще шли вместе с Лениным.

Они оба в самых общих выражениях признали неосновательными мои возражения против цитированных мною мест из «Что делать?», говоря, что автор «Что делать?» и я говорили о разных вопросах, на разные темы. **Вместе с тем ни тот, ни другой не нашли ни одного слова критики против моей собственной трактовки вопроса об отношении стихийности к сознательности.** В программной комиссии с'езда, в которую и я входил, моя поправка к программе была принята против голоса Ленина. Мартов колебался. Выступая на с'езде после моей речи, он согласился с моей поправкой, а выступая впоследствии, после Ленина, он высказался вместе с Лениным против моей поправки. В первом своем выступлении он говорил: «Не могу установить связи между одним местом из книги Ленина и пропуском слова «сознательность». Против вставки этого слова я ничего не имею». Когда же программа обсуждалась по пунктам и когда Ленин высказался против моей поправки, заявив, что «эта вставка вносит ухудшение. Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность», то Мартов, переменив свое отношение к моей поправке, сказал: «Теоретически нельзя отрывать стихийный рост от сознательного воздействия (деятельность «акушера»), но в программе деятельности партии их необходимо отделить». В результате по-

правка моя, принятая в программной комиссии, была отвергнута на с'езде.

А как реагировал на мою речь Плеханов? Заключая общие прения по программному вопросу, Плеханов в конце своей речи сказал: «Я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною (т. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой). Перехожу наконец к т. Мартынову. Он говорит: социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая сюда и сознательную его часть, т. е., поясняет он, всех тех, которые перешли на его сторону. Если т. Мартынов хочет сказать это, то я не вижу основания разводиться не только с Лениным, но и с ним»[1]. Таким образом **будущие меньшевики—Мартов и Плеханов хотели уже в тот момент, в начале с'езда, быть и с Лениным и с Мартыновым и не видели никакого из'яна в мартыновской постановке вопроса[2].**

Совершенно иначе к моей речи отнесся Ленин. Ленин, невзирая на мои левые фразы, решил, в отличие от Мартова и Плеханова, вновь со всей силой атаковать меня. По вопросу о цитированных мною выражениях из «Что делать?» Ленин не ограничился общими местами, не ходил кругом да около, как Плеханов и Мартов, а взял быка за рога, дал хотя и краткий, но четкий, прямой и заостренный ответ: «Говорят: Ленин ни о каких противоборствующих тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда «идет» к подчинению буржуазной идеологии. В самом

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 138.

[2] На с'езде Плеханов говорил в связи с моей критикой «Что делать?», что мой спор с Лениным в вопросе о стихийности и сознательности основан на недоразумении, что он не видит основания «разводиться» ни с Лениным, ни со мной. После же с'езда Лиги Плеханов в статьях «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», напечатанных в середине 1904 г., стал открыто на мою позицию, стал самым резким образом критиковать ленинскую постановку вопроса о стихийности и сознательности в «Что делать?», выдвигая против нее те же самые аргументы, которые я выдвигал на с'езде (см. Г. Плеханов, т. XIII).

деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение течется к буржуазности при благосклонном содейст-ии Шульце-Деличей и им подобных?

И кто разумеется здесь под «подобным»? Не кто ной, как экономисты, как люди, говорившие, напри-мер, тогда, что буржуазная демократия в России есть фантом...» «Все мы знаем теперь, что экономисты сог-нули палку в одну сторону. Для выпрямления палки не-обходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию»[1]. И, развивая атаку, Ленин говорил по пово-ду приводимых мною цитат из «Что делать?»: «Очевид-но, что здесь смешивалась принципиальная установка крупного теоретического вопроса (выработка идеоло-гии) с одним эпизодом борьбы против экономизма... В доказательство этого последнего положения я могу сослаться, прежде всего, на говоривших здесь товари-щей Акимова и Мартынова. Они показали наглядно, что именно об эпизоде борьбы с экономизмом идет здесь речь. Они выступили с воззрениями, которые бы-ли уже названы (и справедливо названы) оппортунизм-мом»[2]. Говоря здесь «были названы», Ленин имел в ви-ду выступление твердого искровца Горина (Гал-кина).

Далее в речи Ленина следуют иллюстрации из оппор-тунистических высказываний на с'езде Акимова против диктатуры пролетариата и теории обнищания. За эти высказывания я не был формально ответственен, я от них на с'езде на словах отмежевался еще до речи Ле-нина. Но на деле моя линия вела к отрицанию диктату-ры пролетариата. Кроме того, я и на с'езде сохранил «союзное отношение» к Акимову и в основных пунктах и практически решающих голосованиях вместе с ним

[1] Протоколы II с'езда, стр. 136.
[2] Там же, стр. 135.

выступал против старой «Искры». Поэтому Ленин дол-жен был склонять мое имя вместе с именем Акимова, чтобы обоих нас бить, что он и делал.

Мало того, Ленин бил по мне сильнее, чем по Аки-мову, так как я был вреднее и опаснее Акимова. Аки-мов пришел на с'езд голый, а я прикрывался ортодок-сальными фразами. Я стал меньшевиком еще накануне зарождения меньшевизма, как оформленного течения. Я стал видным выразителем нового оппортунистическо-го направления — меньшевистского, которое не отхо-дило в прошлое, как экономизм, а, органически выро-сши из экономизма, было еще все в будущем,—направ-ления, которому суждено было еще долго жить. Аки-мов же остался экономистом, когда экономизм уже умер, и потому Акимов скоро вышел в тираж. Он по-сле с'езда не только остался экономистом, но, оторвавшись совершенно от движения, выродился вскоре в «этического», поповского социалиста. В своей книжке «Материалы для характеристики развития Российской социал-демократической партии», вышедшей в 1905 г., Акимов в главе «Борьба организационных принципов» писал — языком не то поповским, не то языком цар-ского манифеста 17 октября — по поводу раскола ме-жду большевиками и меньшевиками: «Глубоко горест-ные (!) события происходят в настоящее время в нашей партии. Люди, считающие себя служителями великой идеи научного социализма, проповедниками учения, по своей широте и глубине долженствующего быть пре-емником мировых теорий Платона (!), святого Авгу-стина (!!), Джиордано Бруно, Руссо, эти люди, не ува-жая и не понимая друг друга и не понимая самих себя, в мелочном, бранчливом споре низводят до уровня групповых раздоров их великое дело. И это происхо-дит в тот исторический момент, когда наше отечество переживает тягчайшее испытание (это революция 1905 г. для Акимова была «тягчайшим испытанием»!), когда все духовные силы общества до крайности нап-ряжены, когда все граждане — и революционеры, со-циалисты прежде всего — призваны самим ходом со-

тий твёрдо и неуклонно исполнять свой долг перед одиной и человечеством».

Такая эволюция Акимова была закономерной. Его и аньше было легче разоблачить, чем меня, и поэтому еня надо было разоблачать острее, чем его. Это и елал Ленин.

●

В программной дискуссии на с'езде видное место занимала дискуссия об аграрной части программы и именно дискуссия по вопросу об «отрезках». По этому вопросу на с'езде возникли горячие прения. Главными защитниками пункта об «отрезках» выступали Ленин и Плеханов; главным оппонентом выступал я.

Чтобы ясно понять позицию, которую Ленин занимал в тот момент по этому вопросу, я должен сделать некоторое отступление и вкратце напомнить, как ставил этот вопрос Ленин в различные моменты эпохи первой революции в России. С самого начала Ленин в основу аграрной программы буржуазно-демократической революции клал, как известно, принцип, выставленный в программе партии, принятой на II с'езде: «В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует...».

Трудность вопроса заключалась в том, какие же именно конкретные требования в аграрном вопросе нужно выдвигать в целях устранения остатков крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне. На этот вопрос Ленин уже в 1894 г. в своей первой книге «Что такое «друзья народа» дал общий ответ, включавший в себе все те лозунги, которые он последовательно выдвигал позже, от 1894 до 1907 г. и далее. «Несомненно, однако, что, напр., крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (охва-

тыванием крестьянской земли) и косвенно (искусны отмежеванием наделов). И социал-демократы буду самым энергичным образом настаивать на немедленно возвращении крестьянам отнятой от них земли, на по ной экспроприации помещичьего землевладения этого оплота крепостнических учреждений и тради ций» [1].

Здесь, таким образом, Ленин, говоря о возвращени отрезанных у крестьян земель, этим требованием н ограничивается и расширяет это требование до полно экспроприации помещичьих земель и далее, в этой ж статье, связывает ее с национализацией земли.

В таком же смысле, но еще конкретнее Ленин выска зывался в 1902 г.: «Рабочая партия должна дать в кре стьянском отделе своей программы — программу мак симум, рассчитанную на глубокую крестьянскую рево люцию, ниспровергающую господство помещиков. Те перь, когда нет еще налицо никакого массового дви жения крестьянства, мы можем ограничиться выстав лением требования возвращения отрезков, служащих орудием закабаления крестьянства, поскольку это тре бование «непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне». Но мы должны будем перейти и мы готовы перейти к требованию национализации земли которое вполне принципиально-правильно и политиче ски-пригодно, как только мы вступим в эпоху широ ких народно-революционных движений» [2].

В первоначальном проекте своей статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», обсуждавшейся в редакции «Искры» во время выработки программы, Ленин писал по поводу национализации земли:

«Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его

[1] Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., т. I, стр. 190, изд. 3-е.
[2] «Ленинский сборник» III, стр. 320—321.

выдвинуть. Но теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли **гораздо слабее** выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне, и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма... Требование национализации земли, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов, является нецелесообразным политически в данный момент» [1].

Дальше следовало место, которое в уже перередактированном Лениным виде гласило:

«...Социал-демократ из общей национализации земли не мог бы исключить и крестьянских земель, это — во-первых. А, во-вторых, он стал бы пропагандировать национализацию земли лишь как переход к крупному коммунистическому,—а не к мелкому индивидуалистическому хозяйству» [2].

Это знаменитое место из статьи Ленина, которое было опубликовано только после его смерти, вызвало единодушный протест со стороны остальных членов редакции «Искры», предлагавших даже расширить толкование понятия «отрезки», данное в проекте Ленина, но никоим образом не соглашавшихся на национализацию земли, усматривая в этом меру «реакционную» в условиях буржуазной революции. Против национализации земли при нашей буржуазной революции спорили и Мартов, и Аксельрод, и прежде всего Плеханов. Аксельрод по этому поводу написал на рукописи Ленина:

[1] Ленин, т. V, стр. 113—114, изд. 3-е.
[2] «Ленинский сборник» III, стр. 385.

«Национализация земли и как лозунг восстания теперь антиреволюционна». В результате цитированные места из этой статьи были изъяты. Этот знаменательный спор внутри редакции «Искры» впоследствии развернулся открыто на Об'единительном (Стокгольмском) с'езде партии. Бунт будущих меньшевиков в редакции «Искры» против национализации земли вытекал из отрицания особенности нашей буржуазной революции как революции рабочих и крестьян, происходящей в эпоху империализма и под руководством пролетариата,—иначе говоря, как революции буржуазно-демократической, при своей победе перерастающей в социалистическую. Этот бунт меньшевиков вытекал из боязни крестьянской революции, которая, по их мнению, выливщись в форму национализации земли, могла бы привести лишь к реставрации царизма, ибо и царизм, дескать, в свое время «национализировал» землю, объявив ее «государевой».

По поводу меньшевистской боязни национализации земли Ленин в 1907 г. писал:

«Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т.-е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией... правое крыло отделывалось все время общим, абстрактным, шаблонным понятием буржуазной революции, не сумев понять особенности данной буржуазной революции именно как крестьянской революции. Совершенно естественно и неизбежно, что это крыло социал-демократии не могло понять источника контр-революционности нашей буржуазии в русской революции, не могло определить ясно, какие классы способны одержать в этой революции полную победу, не могло не сбиваться на взгляд: в буржуазной революции пролетариат должен поддерживать буржуазию, в буржуазной революции главным деятелем должна быть буржуазия, размах революции ослабеет, если отшатнется буржуазия

и т. д. Наоборот, большевики... ясно указали источник наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»[1]. Таким образом национализация земли у Ленина не означала начала долгого периода развития капитализма в России, — наоборот, в обстановке победы буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую национализация, отменяя частную собственность на землю, расшатывала основы частной собственности **вообще**, т. е. облегчала победу социалистической диктатуры пролетариата и в дальнейшем ускорила бы переход к «крупному коммунистическому хозяйству» в земледелии.

Ленин, чтобы не взорвать редакцию «Искры», вынужден был в своей статье, комментирующей аграрную программу, из'ять место о национализации. **Но оружия своего он не сложил.** Он и после этого продолжал развивать свою позицию, доказывая, что требование отрезков не является максимальным, предельным для нашей партии. Так например в своей брошюре «К крестьянской бедноте», напечатанной за два месяца до с'езда, Ленин давал понять массам, что наша партия при благоприятных условиях развития революции не ограничится требованием возвращения отрезков.

«Некоторые люди думают, — писал он, — что наше требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и возвращения отрезков есть какой-то забор, какая-то загородка. Стой, дескать, тут и дальше не ходи. Такие люди очень плохо вдумались в то, чего хотят социал-демократы. Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть дверь. В эту дверь прежде всего надо выйти **для того, чтобы итти дальше, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге итти до самого конца,** до полного

[1] Ленин, т. XI, стр. 438, изд. 3-е.

освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси» [1].

Через месяц, в июне 1903 г., Ленин в своей статье «Ответ тов. Иксу», которая являлась его, Ленина, комментарием к аграрной программе для делегатов с'езда, опять указывал, что партия будет выдвигать лозунг национализации земли при условии реальности перспектив широкого революционно-демократического движения крестьян, при реальности перспектив перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этой статье он писал:

«Если же требование всей земли будет требованием национализации или перехода земли к современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, приняв во внимание все обстоятельства дела; мы не можем наперед сказать, напр., выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократическо-революционной партии или в качестве партии порядка» [2].

Нужно сказать, что и Плеханов оружия не сложил в этом вопросе. В приложении к № 43 «Искры», вышедшем незадолго перед съездом, он в статье «Ортодоксальное буквоедство», направленной против Рязанова, повторяет то, что он говорил уже в своем комментарии к программе, именно, что «в момент революционного движения нам, может быть, придется выставить требование полной экспроприации помещичьих земель». Но вместе с тем в той же статье он говорит: «Поэтому всякие проекты национализации земли или обращения помещичьих земель в государственную собственность **являются у нас реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности.** Этот последний свой тезис Плеханов в статье подробно обосновывает своими обычными аргументами, **споря с Рязановым и метя, как теперь ясно, в другого... в Ленина.**

[1] Ленин, т. V, стр. 308.

[2] Там же, стр. 331—332.

В свете этой борьбы внутри редакции «Искры» до с'езда, которая не вышла тогда наружу, за пределы редакционной коллегии, можно понять ту поправку к аграрной программе, которую Ленин внес на самом с'езде. В вводной части проекта аграрной программы говорилось, что в целях устранения остатков крепостного порядка... и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться в числе других мер возвращения отрезков. Ленин на с'езде внес поправку: вместо «будем добиваться» вставить «требуем прежде всего». Мотивируя эту поправку, Ленин говорил: «На рефератах во время дебатов указывали, что в проекте сознательно сказано: «будем добиваться», чтобы этим подчеркнуть, что это мы намерены сделать не сейчас, а в будущем. Чтобы не дать оснований для подобных недоразумений, вношу эту поправку. Словами «прежде всего» я хочу сказать, что, помимо аграрной программы, мы еще имеем требования» [1].

При такой мотивировке поправка была поддержана всеми членами редакции «Искры» и была принята с'ездом. Мотивировка Ленина и именно слова, что «помимо аграрной программы мы еще имеем требования», была тогда для многих неясна. Ее можно было истолковать и в том смысле, приемлемом для большинства редакции, что помимо аграрной программы для буржуазной революции мы имеем еще и совершенно другую программу для социалистической революции. Но эту мотивировку можно было и так истолковать, что помимо данной аграрной программы мы еще имеем требование национализации земли, о котором сейчас не говорим, ибо еще не наступила «эпоха широких народно-революционных движений». Если принять во внимание ту борьбу, которую Ленин вел с большинством редакции «Искры» по вопросу о национализации, то есть все основания думать, что он словами «прежде всего» имел в виду именно последнее толкование, что теперь, дескать,

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 232—233.

мы требуем возвращения отрезков, а потом, при известных условиях, сможем выставить и требование национализации. Есть все основания думать, что Ленин именно это имел в виду, но не формулировал этого прямо, ибо это сорвало бы соглашение с большинством редакции уже в начале с'езда, когда большинство редакции выступало еще единым фронтом с Лениным.

Ленин не делал тогда лозунг конфискации всей помещичьей земли и национализации основой для открытого боя с большинством редакции «Искры» и счел возможным не настаивать на этом лозунге потому, что он тогда не был политически первоочередным, потому что тогда еще (как Ленин указывал впоследствии): «Без опыта массового — даже более того: общенационального крестьянского движения, программа Социал-демократической Рабочей Партии не могла стать конкретной, ибо в[1] сколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений... Отсутствие открытого массового движения не позволяло тогда решить вопроса на основании точных данных, а не на основе фраз или невинных пожеланий или мещанских утопий, как решали его с.-р-ы. Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельско-хозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 61-го года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы»[1].

То условие, при котором Ленин считал возможным выставить требование национализации, именно широкое развитие аграрной революции, — создалось лишь в 1905 г. Поэтому уже с начала 1905 г. большевики начинают вносить поправки в аграрную программу. На

[1] Ленин, т. XI, стр. 362—363.

Таммерфорсской конференции большевиков, состоявшейся в декабре 1905 г., Ленин предложил (и конференция это приняла) изменить программу таким образом: «Пункт об отрезках устранить; вместо него постановить, что партия поддерживает революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетной и частновладельческой земель» и т. д.

В феврале же 1906 г., накануне Об'единительного с'езда в Стокгольме, Ленин опубликовал статью «О пересмотре аграрной программы рабочей партии», в которой прямо уже выдвигается требование национализации: «Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа»[1]. С этой новой программой большевики пошли на Об'единительный с'езд, и за нее они там дрались с меньшевиками.

Сила позиции большевиков в аграрном вопросе в 1903 г. заключалась прежде всего в том, что они исходили из правильного марксистского анализа характера и движущих сил русской революции. Сила позиции большевиков базировалась далее на совершенно верном принципе, что наши аграрные требования в эпоху буржуазной революции должны выдвигаться в целях устранения остатков крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне. Сила позиции большевиков заключалась далее в том, что они отдавали себе ясный отчет, что в русской деревне переплетаются двоякого рода производственные отношения: новые, капиталистические, и старые, крепостнические, и что они, большевики, соответственно этому в аграрной программе для русской буржуазной революции выдвигали не только реформаторские, но и со-

[1] Ленин, т. IX, стр. 75, над. 3-е.

циально-революционные требования (экспроприации всех помещичьих, церковных и удельных земель). Сила позиции Ленина заключалась наконец в том, что он никогда не считал возвращение отрезков пределом, через который нельзя перешагнуть при буржуазной революции, и что он, в противоположность Плеханову, Аксельроду, Мартову и мне, всегда считал допустимым и политически целесообразным при известных условиях выдвигать требование не только экспроприации, но и национализации земли.

Однако большевики в 1903 г. благодаря отсутствию еще в то время опыта широкого аграрного крестьянского движения в России не могли точно определить, как далеко зашел процесс капиталистического расслоения крестьянства — отсюда и требование возвращения отрезков на том этапе, как первый шаг.

В таких условиях Ленин из-за этого вопроса в то время еще не разорвал с будущими меньшевиками в редакции «Искры», но однако уже тогда крепко дрался с ними по этому вопросу. Одновременно Ленин, учитывая возможность широкого размаха крестьянского движения, уже на II с'езде развернул ту наметку вопроса о крестьянстве как союзнике пролетариата, которую он дал еще в «Друзьях народа» и которая разделила в дальнейшем пропастью большевиков и меньшевиков. В этом смысле чрезвычайный интерес представляет следующее выступление Ленина на II с'езде:

«Прежде всего я должен отметить чрезвычайно характерное смешение т. Либером предводителя дворянства с слоем трудящихся и эксплуатируемых. Это смешение знаменательно для всех дебатов. Везде смешивают отдельные эпизоды нашей полемики с установлением принципиальных базисов. Нельзя отрицать, как это делает т. Либер, что возможен переход и слоя (того или иного) трудящегося и эксплуатируемого населения на сторону пролетариата. Вспомните, что в 1852 г. Маркс, имея в виду восстание французских крестьян, писал (в «18 брюмера»), что крестьянство выступает то

ставителем прошедшего, то представителем буду-
его; к крестьянину можно апеллировать, имея в виду
только его предрассудок, но и его рассудок.

Припомните дальше, что Маркс признавал совершен-
правильным утверждение коммунаров, что дело ком-
ны есть также дело крестьянства. Повторяю, нельзя
миневаться в том, что при известных условиях пере-
д того или иного слоя трудящихся на сторону проле-
риата отнюдь не невозможен. Все дело в том, чтобы
чно определить эти условия. И в словах «переходят
точку зрения пролетариата» условие, о котором идет
чь, выражено с полной точностью. Именно эти слова
граничивают нас, социал-демократов, самым реши-
льным образом от всяких якобы-социалистических те-
ний вообще и от так называемых социалистов-рево-
ционеров в особенности» [1].

В этой речи Ленин дает понять, что одно дело ка-
й-нибудь оппозиционный либеральный предводитель
орянства, который мог быть временным, эпизодиче-
им нашим «попутчиком», а другое дело целый слой
удящихся и эксплоатируемых, который может всерь-
и надолго стать союзником пролетариата; что прин-
пиальным базисом нашей политики может служить
менно союз с теми или иными слоями трудящихся и
ксплоатируемых и прежде всего с крестьянством. В
ом споре Ленина с Либером уже заключались в за-
одышевой форме все будущие споры большевиков с
еньшевиками по вопросу о нашей тактике в отноше-
ии крестьянства, с одной стороны, и либеральной бур-
газии, с другой стороны. Во второй части этой цита-
, где говорится о «переходе на точку зрения проле-
риата» как об условии перехода того или иного слоя
удящихся на сторону пролетариата, дается обоснова-
е **гегемонии пролетариата по отношению к крестьян-**
ву и отмежевание на этой почве от эсеров, стремив-
нихся, растворить пролетариат в крестьянстве. Такова

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 134—135.

была позиция Ленина по аграрному и крестьянскому во
просу на II с'езде.

Главным оппонентом против проекта аграрной про
граммы «Искры» был я. Я на с'езде критиковал требова
ние возвращения отрезков уже не откровенно справа
как я это делал, будучи в редакции «Рабочего дела»,
«слева», т. е. прикрываясь левой фразой. Я на с'езд
заявлял, что вполне согласен с исходным принципо
аграрной части программы, но требование возвраще
ния отрезков считаю необоснованным.

По поводу поправки, внесенной Лениным на с'езд
(слова «прежде всего»), я говорил: «Ленин уверяет на
что это только **раз'яснение** программы, я же нахож
что это **исправление**»[1]. Уже из сказанного выше видно
что этот мой выпад против Ленина был совершенно не
состоятельным. Между мотивировкой Ленина и само
поправкой никакого противоречия не было, и если по
правка Ленина исправляла аграрную программу, т
лишь в порядке раз'яснения того содержания, которо
он сам вкладывал в эту программу. Ленин, внося эт
поправку, оставался совершенно верным своей прежн
ней позиции. Если в поправке заключалось исправле
ние, то лишь исправление позиции Плеханова, Аксель
рода и Мартова, занятой ими при обсуждении этог
вопроса в редакции «Искры». Но Ленин на с'езде н
мог об этом говорить перед аудиторией, неосведомлен
ной о внутренних спорах в редакции «Искры» и особен
но не мог об этом говорить перед такими ярыми про
тивниками «Искры», какими были я и мои единомыш
ленники. Впрочем кое-кто из «твердых» искровцев оч
видно знал о разногласии между Лениным и Плехано
вым по этому вопросу. Горин (Галкин) например, ше
ший всегда с Лениным, насчет отрезков выражал сомн
ния и оправдывал эти сомнения в своем выступлени
па с'езде тем, что «в этом вопросе и между двумя на
шими вождями имеются разногласия». В протокола

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 246.

оставленных не по стенограмме, этих слов нет, но я их твердо помню.

Критикуя требование возвращения отрезков по существу, я говорил: «Мы не можем требовать произвольно исправления именно данной исторической несправедливости, если мы этим косвенно как будто оставляем другие исторические несправедливости». Я говорил, что требование возвращения отрезков мизерное и что мы не имеем основания им ограничиваться, что «мы не должны связывать себе рук».

Взамен я предлагал: «...определить, какие земли и угодья в настоящее время служат крупным землевладельцам средством для поддержания полукрепостной зависимости окрестного населения, и экспроприировать их» [1].

Определить, какие же именно земли в настоящее время служат крупным землевладельцам (под которыми я понимал не только помещиков, но и землевладельцев из буржуазии) средством для поддержания полукрепостной зависимости, я не был в состоянии и даже не пытался это сделать на с'езде. Мало того, моя поправка и все мои выступления по этому вопросу на с'езде обнаруживали непонимание и замазывание поставленного Лениным основного вопроса буржуазно-демократической революции — развязывания аграрной революции крестьян против класса помещиков в целом, под гегемонией пролетариата.

Что же касается моего утверждения, что мы не должны связывать себе рук, то оно было мимо цели ввиду указания Ленина на то, что требование возвращения отрезков только «первый шаг» («не загородка, а дверь, в которую надо войти, чтоб итти дальше»). Главным у Ленина было — дать программные лозунги, развязывающие революционную энергию крестьянства и облегчающие его союз с пролетариатом-гегемоном.

Я же, борясь против ленинских лозунгов и ничего четкого не давая взамен, по сути дела подменял эту революционную задачу реформистской. И эту суть я сам раскрыл на с'езде, заявив, что «мы не можем стоять на точке зрения исправления исторических несправедливостей. Мы должны сделать все, что можно, для культурного под'ема крестьянства» [1]. Не революция, а культурный под'ем — вот в чем заключалась оппортунистическая суть моих позиций, суть, прикрывавшаяся левой фразой.

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 208, 209.

●

Перелом на с'езде наступил в середине с'езда, когда при обсуждении § 1 устава в принципиальном вопросе о членстве партии выявилось коренное разногласие среди искровцев. Противопоставлены были друг другу две формулировки: формулировка Ленина и формулировка Мартова, горячо поддержанная Аксельродом, из которых первая, как четко определил Ленин, сплотила вокруг себя «сторонников пролетарской организации и дисциплины», а вторая — «сторонников буржуазно-интеллигентского индивидуализма» [2].

Это разногласие положило на с'езде начало коалиции мартовцев с антиискровцами и «болотом», коалиции не в смысле формального сговора, а в смысле фактической поддержки мартовцев антиискровцами и «болотным» центром при каждом конфликте мартовцев с «твердыми» искровцами. Это разногласие логически привело на с'езде в тот момент, когда обсуждался вопрос о составе ЦК и ЦО, к окончательному расколу. Это разногласие имело историческое значение, ибо оно представляло собой столкновение двух различных организационных планов, связанных с двумя тактиками в революциях 1905 и 1917 гг.

Я не стану останавливаться на спорах о § 1 устава, ибо эти знаменитые споры получили совершенно исчерпывающее освещение в нашей партийной литературе, а я не пишу здесь исчерпывающей истории II с'езда.

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 228.
[2] Ленин, т. VI, стр. 213, изд. 8-е.

Я остановлюсь только на одном, наиболее «драматическом» эпизоде с'езда, который непосредственно привел к расколу, — на борьбе за состав редакции центрального органа партии («тройка» или «шестерка»).

Борьба за «тройку» или «шестерку», т. е. за выбор в редакцию ЦО «тройки» (Ленин, Плеханов и Мартов) или за утверждение старой редакционной «шестерки» (Ленин, Плеханов, Мартов, Засулич, Аксельрод, Потресов), на конкретном примере продемонстрировала, как прав был Ленин, утверждая, что спор по § 1 устава означал именно спор между сторонниками пролетарской организации и дисциплины и сторонниками буржуазно-интеллигентского индивидуализма, и как извращали дело Мартов и Аксельрод, придумывая другие об'яснения этого спора. Но борьба за «тройку» или «шестерку» пролила свет еще на один важный вопрос: куда с самого начала съезда хотели повести партию Ленин и другие последовательные искровцы, с одной стороны, и Мартов, Плеханов, Аксельрод, Засулич — с другой.

Спор о «тройке» или «шестерке» был, во-первых, спором о том, должна ли быть редакция ЦО по своему составу максимально деловой и работоспособной, или она должна быть так составлена, чтобы «не обидеть» уважаемых заслуженных товарищей Аксельрода, Засулич, Потресова, причем и «обида»-то была искусственно спровоцирована самим Мартовым, который вопрос о выборе редакции подменил вопросом — следует ли старую редакцию распустить? Предложение о выборе на с'езде двух «троек» — в ЦК и ЦО — Ленин выдвигал внутри «Искры» задолго до с'езда, и Мартов против этого тогда не спорил. Почему? Во-первых, потому, что он видел на опыте работы редакции «Искры», что половина ее является в смысле работоспособности балластом для боевой редакции. Во-вторых, потому, что и период старой «Искры» до с'езда Мартов находился в известной мере под влиянием Ленина.

В разгоряченной атмосфере борьбы с экономизмом пылкий Мартов, тесно связанный с Лениным по работе

волюционную задачу реформистской. И эту суть я сам раскрыл на с'езде, заявив, что «мы не можем стоять на точке зрения исправления исторических несправедливостей. Мы должны сделать все, что можно, для культурного под'ема крестьянства»[1]. Не революция, а культурный под'ем — вот в чем заключалась оппортунистическая суть моих позиций, суть, прикрывавшаяся левой фразой.

●

Перелом на с'езде наступил в середине с'езда, когда при обсуждении § 1 устава в принципиальном вопросе о членстве партии выявилось коренное разногласие среди искровцев. Противопоставлены были друг другу две формулировки: формулировка Ленина и формулировка Мартова, горячо поддержанная Аксельродом, из которых первая, как четко определил Ленин, сплотила вокруг себя «сторонников пролетарской организации и дисциплины», а вторая — «сторонников буржуазно-интеллигентского индивидуализма»[2].

Это разногласие положило на с'езде начало коалиции мартовцев с антиискровцами и «болотом», коалиции не в смысле формального сговора, а в смысле фактической поддержки мартовцев антиискровцами и «болотным» центром при каждом конфликте мартовцев с «твердыми» искровцами. Это разногласие логически привело на с'езде в тот момент, когда обсуждался вопрос о составе ЦК и ЦО, к окончательному расколу. Это разногласие имело историческое значение, ибо оно представляло собой столкновение двух различных организационных планов, связанных с двумя тактиками в революциях 1905 и 1917 гг.

Я не стану останавливаться на спорах о § 1 устава, ибо эти знаменитые споры получили совершенно исчерпывающее освещение в нашей партийной литературе, а я не пишу здесь исчерпывающей истории II с'езда.

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 228.
[2] Ленин, т. VI, стр. 213, изд. 8-е.

Я остановлюсь только на одном, наиболее «драматическом» эпизоде с'езда, который непосредственно привел к расколу, — на борьбе за состав редакции центрального органа партии («тройка» или «шестерка»).

Борьба за «тройку» или «шестерку», т. е. за выбор в редакцию ЦО «тройки» (Ленин, Плеханов и Мартов) или за утверждение старой редакционной «шестерки» (Ленин, Плеханов, Мартов, Засулич, Аксельрод, Потресов), на конкретном примере продемонстрировала, как прав был Ленин, утверждая, что спор по § 1 устава означал именно спор между сторонниками пролетарской организации и дисциплины и сторонниками буржуазно-интеллигентского индивидуализма, и как извращали дело Мартов и Аксельрод, придумывая другие об'яснения этого спора. Но борьба за «тройку» или «шестерку» пролила свет еще на один важный вопрос: куда с самого начала съезда хотели повести партию Ленин и другие последовательные искровцы, с одной стороны, и Мартов, Плеханов, Аксельрод, Засулич — с другой.

Спор о «тройке» или «шестерке» был, во-первых, спором о том, должна ли быть редакция ЦО по своему составу максимально деловой и работоспособной, или она должна быть так составлена, чтобы «не обидеть» уважаемых заслуженных товарищей Аксельрода, Засулич, Потресова, причем и «обида»-то была искусственно спровоцирована самим Мартовым, который вопрос о выборе редакции подменил вопросом — следует ли старую редакцию распустить? Предложение о выборе на с'езде двух «троек» — в ЦК и ЦО — Ленин выдвигал внутри «Искры» задолго до с'езда, и Мартов против этого тогда не спорил. Почему? Во-первых, потому, что он видел на опыте работы редакции «Искры», что половина ее является в смысле работоспособности балластом для боевой редакции. Во-вторых, потому, что в период старой «Искры» до с'езда Мартов находился в известной мере под влиянием Ленина.

В разгоряченной атмосфере борьбы с экономизмом пылкий Мартов, тесно связанный с Лениным по работе

в России и по строительству искровской организации подпал под влияние Ленина и его глазами смотрел на партийность. Но пылкий Мартов был вместе с тем мягким и весьма неустойчивым. И вот когда борьба с экономизмом пришла к концу, когда собрался с'езд, когда члены редакции почувствовали, что они уже находятся не в обстановке тесного искровского кружка, что они сидят уже за одним столом и с южнорабоченцами, и с бундовцами, и с рабочедельцами, Мартову и особенно Аксельроду захотелось наконец «свободнее вздохнуть». Я говорю «особенно Аксельроду», ибо Аксельрод, отличаясь несомненно большею внутренней устойчивостью, чем Мартов, в смысле пылкости и воинственности представлял противоположность ему.

Либеральная тоска «по свободе» в партии вдохновила Мартова и Аксельрода на оппортунистическую формулировку § 1 устава. Однако при спорах о § 1 они еще говорили, что их не пугает «заговорщическая» организация, что она должна сохраниться и что в тесном «заговорщическом» кружке профессиональных революционеров строгая дисциплина и впредь должна соблюдаться, что следует лишь освободить от этой строгой дисциплины и освободить от обязанностей вступить в партийную организацию вообще широкую партийную периферию. Но когда дело дошло до ликвидации обычаев кружковщины и семейственности в самой редакции «Искры», то Мартов (а за его спиной Аксельрод) поднял бунт, зная хорошо, что если он останется в редакции наедине с Лениным и Плехановым (который тогда еще шел с Лениным) без Аксельрода, без Засулич и без Потресова, в условиях когда после ухода бундовцев и рабочедельцев уже не только большинство искровцев, но и большинство с'езда стояло за Лениным, то либеральному режиму в партии не бывать. Отсюда та новая (для искровцев новая) обывательская этическая философия, те новые, обывательские этические взгляды, которые стал развивать Мартов и которые так жестоко высмеял на с'езде Русов (Кнуньянц): «Основной довод, на который стали про-

тавники выборов «троек», сводится к чисто обывательскому взгляду на партийные дела. Если вы не выбираете Ивана Иваныча, видного деятеля партии, вы выражаете ему недоверие и этим наносите ему оскорбление... если мы собрались сюда не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд».

Спор о «тройке» или «шестерке», далее, был со стороны Ленина и «твердых» искровцев актом борьбы за влияние на ЦК в России, со стороны Мартова, прикрывавшегося обывательщиной, — актом борьбы за то, чтобы ЦК не превратился в «орудие редакции», т. е. Ленина. Ленин повел борьбу за такую организацию редакции, которая обеспечивала бы в центральных учреждениях партии — и в ЦО, и в ЦК, и в Совете партии — строгое соблюдение искровских принципов. По этому поводу на с'езде произошел знаменитый диалог между Мартовым и Лениным, во время которого Мартов в своей «прощальной» речи впервые заговорил на с'езде об «осадном положении».

Мартов в этой речи невольно открыл карты непоследовательных искровцев. Он говорил: «Большинство редакции показало, что оно не желает превращения ЦК в орудие редакции. Вот почему понадобилось сократить число членов редакции, а потому я и не могу вступить в такую редакцию. **Вместе с большинством старой редакции я думал, что с'езд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок.** В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено».

Ленин в ответ на это принял вызов и поставил все точки над «и» в своей позиции, в позиции «твердых» искровцев: «**Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически**

с т. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу... И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, но обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне с'ездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников **политической расплывчатости».**

В этом знаменитом споре между социал-демократической «Жирондой» и «Горой» очень интересно признание Мартова, что «большинство старой редакции «Искры» (т. е. будущие меньшевики) с самого начала с'езда питало неоправдавшуюся надежду, что с'езд положит конец «осадному положению» в партии и введет в ней «нормальный порядок».

Это вполне соответствует тем впечатлениям, которые я вынес от с'езда уже на основании первых дебатов об ОК, о месте Бунда в партии, о программе. Большинство редакции, очевидно, считало, что «осадное положение» имело свое оправдание лишь тогда, когда нужно было побороть экономизм и ликвидировать организационный хаос в партии, но что раз эта цель достигнута, раз экономисты разбиты и партия уже об'единена, то можно начать «жить по-хорошему», как в западноевропейских партиях II Интернационала.

Ленин же и другие «твердые» искровцы, для которых в отличие от Егоровых наша программа писалась не «на случай конституции», которые держали курс не на парламентскую буржуазную республику, а на перерастание буржуазно-демократической революции в России в пролетарскую и на диктатуру пролетариата, знали и предвидели, что для этого нужна такая партия в которой и в начале штурма против царского самодержавия и после победы над буржуазией и установления диктатуры пролетариата необходимо будет сохранять режим железной дисциплины.

Спор на II с'езде между сторонниками покоя и сторонниками борьбы повторился в нашей партии через много лет уже в совсем другой обстановке на XV с'езде партии. XV с'езд партии собрался, как известно, после разгрома троцкистской оппозиции, подобно тому как II с'езд собрался после разгрома экономистов. На XV с'езде, как и на II, нашлись люди (правые), которые сказали себе наподобие Мартова и Аксельрода во время II с'езда: «Ну, теперь, когда троцкисты разбиты, в партии наступит наконец мир и покой. Теперь все пойдет уже гладко, самотеком». Тов. Сталин, сразу уловив эти опасные настроения, дал в своей речи замечательные предостерегающие указания в духе речи Ленина на II с'езде:

«Третий недостаток. Состоит он, этот недостаток, в желании ряда наших товарищей плыть по течению, **плавно и спокойно** (подчеркнуто мною.—А. М.) без перспектив, без заглядывания в будущее, так, чтобы кругом чувствовалось праздничное и торжественное настроение... Видали вы гребцов, гребущих честно, в поте лица, но не видящих того, куда их несет течение? Я видал таких гребцов на Енисее... беда их состоит в том, что они не видят и не хотят видеть того, что их может прибить волной к скале, где им грозит гибель... Работа без перспектив, работа без руля и ветрил — вот к чему приводит желание плыть обязательно по течению. А результаты? Результаты ясные: сначала они обкладываются плесенью, потом они становятся серенькими, потом их засасывает тина обывательщины, а потом они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть путь действительного перерождения» [1].

Речь т. Сталина на XV с'езде, как и речь Ленина на II с'езде, оказалась вещей, пророческой речью. Вскоре после XV с'езда кулак в ответ на развернутое партией социалистическое наступление стал оказывать ему бешеное сопротивление. Правоуклонистская тройка в ЦК, ориентировавшаяся на покой и самотек, испуга-

[1] Стенотчет XV Всесоюзного с'езда партии, стр. 72.

лась, потеряла голову и предложила капитулировать перед кулаком, став тем самым об'ективно проводником интересов кулачества. Но партия во главе с т. Сталиным нанесла сокрушительный удар правым оппортунистам и, укрепив таким образом свои ряды, разгромила сопротивление кулачества и довела дело до его ликвидации как класса на основе сплошной коллективизации деревни...

●

Раскол на II с'езде не был случайным. «Большевики не «казус»,—писал Ленин,—они выросли из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.». Раскол в искровском лагере был неизбежен на II с'езде. Большинство членов редакции «Искры» — этого главного штаба искровцев— уже с самого начала с'езда имело не те планы и не те твердые искровские установки, что Ленин. Ведь мог даже Плеханов, который дольше других членов редакции шел с Лениным и только в конце с'езда Заграничной лиги (т. е. в октябре 1903 г.) с ним разошелся, обнаружить, что он даже не задумывался о таком принципиальном, решающем вопросе, как вопрос о членстве партии. Плеханов по поводу споров о § 1 устава на с'езде сказал: «Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». С самого начала с'езда поэтому можно было заметить известный водораздел между Лениным, шедшим твердым шагом к определенной революционной цели, и остальными членами редакции «Искры», которые колебались, а потом окончательно скатились к открытым оппортунистам.

Могут спросить: а что было до с'езда? Что было в старой «Искре»? Мог ли читатель старой «Искры» и «Зари» тоже заметить в них известный водораздел между двумя течениями? Старая «Искра» представляла собой на внешний вид нечто цельное и монолитное. Но, во-первых, мы знаем, что **определенность физиономии**

старой «Искры» придавал Ленин и только Ленин. «С чего начать?», «Письмо к товарищу», «Что делать»? — вот что всецело определило направление старой «Искры»; во-вторых, условия, при которых группа «Освобождение труда» влилась в искровскую организацию, были слишком неблагоприятны для того, чтобы Аксельрод и Плеханов могли наложить какой-то свой особый отпечаток на «Искру» и вносить в «Искру» известный разнобой, хотя у них уже тогда по ряду принципиальных вопросов имелись свои особые взгляды, значительно отличные от взглядов Ленина. (Мартова я здесь не касаюсь. Он тогда, за некоторыми исключениями, особых от Ленина взглядов не имел, находясь в этот период в основном под его влиянием. Он отличался от Ленина прежде всего своей шаткостью, неустойчивостью, которую он в тот период прямо не обнаружил, но которую он предостаточно обнаружил отчасти в доискровский и особенно в послеискровский период.)

Плеханов и Аксельрод при тогдашних условиях не могли наложить свой особый отпечаток на старую «Искру». В отдельных случаях Ленину приходилось вести жестокие бои с Плехановым (например в вопросе о национализации земли). Я уже об'яснял, почему в тот момент, когда еще не ясно было, какие размеры примет и может принять крестьянское движение, Ленин еще мог временно не касаться этого вопроса в своем комментарии к программе, оставив его открытым. В вопросах же назревших и злободневных Ленин не допускал ни малейшего отклонения от его плана. Как ему это удавалось при разношерстном составе редакции?

Положение было таково. Период старой «Искры» был периодом великих сдвигов в мировой экономике (наступление эпохи империализма) и переломным периодом в России, в которой уже чувствовалось приближение революции. Перед русскими социал-демократами крайне остро встал вопрос о максимально быстром выведении партии из состояния организационного хаоса и кустарничества. Это сознавали и Плеханов и Аксельрод и спрашивали себя: кому же можно доверить выполнение этой задачи? Они знали, что жалкую мышиную возню с созывом с'езда для об'единения партии затеял экономистский заграничный «Союз русских социал-демократов». Они знали также, что, с другой стороны, серьезно за это дело, с соответственной идеологической подготовкой партии к этому делу, взялся Ленин в России по возвращении из ссылки. Эмигранты Плеханов и Аксельрод, сами оторванные от России, должны были сделать выбор. Они видели, что разница между Лениным и союзом была огромная, что Ленин стоял в смысле политической зрелости на десять голов выше «союзников». Неудивительно, что Плеханов и Аксельрод недолго колебались в выборе. Аксельрод рассказывал мне, что он и Плеханов, познакомившись с Лениным, когда он в первый раз приехал за границу, сказали: «Ну, теперь наконец мы можем быть спокойны за судьбу русского революционного движения. Смена у нас есть». Так они пошли с Лениным. Когда же была основана «Искра» и когда они на работе ближе познакомились с Лениным, они убедились, что Ленин, так пленивший их своими исключительными способностями, во-многом с ними расходится во взглядах. Но они в значительной мере очутились уже у него «в плену», ибо хозяином организаций «Искры», поддерживавшим все время теснейшую связь с отдельными товарищами и с организациями в России, был Ленин, а рука у него была, как известно, твердая и даже жесткая. Так случилось, что Плеханову и Аксельроду трудно было наложить свой особый отпечаток на старую «Искру» и исказить ее физиономию, несмотря на то, что они старались это делать. Выражением этих стараний были и ожесточенные споры Плеханова с Лениным по программным вопросам. Только тогда, когда первая часть задачи искровской организации, ради которой скрытые меньшевики Плеханов и Аксельрод в известной степени готовы были терпеть «иго Ленина», была решена, когда экономизм был разгромлен, когда собрался II с'езд партии, у членов группы «Освобождение труда»

(не у всех членов единовременно) возникла надежда, что они наконец смогут выбраться из ленинского «плена». Но при несгибаемости Ленина это оппортунистическое стремление неизбежно привело к расколу.

Мы видим, что в период старой «Искры» Ленин имел возможность обеспечить ее строгую выдержанность и цельность ее направления при неоднородном составе редакции только потому, что он сумел использовать совершенно исключительную, неповторяемую политическую кон'юнктуру для того, чтобы запрячь во многом не согласных с ним Плеханова и Аксельрода в искровскую колесницу и заставить их итти с ним в ногу.

Борьба Ленина против оппортунизма будущих меньшевиков Плеханова и Аксельрода, как мы теперь знаем из опубликованных документов, велась и тогда — и притом борьба очень острая. Но тогда эта борьба велась лишь внутри редакции, невидимо для посторонних. Не нужно было однако быть посвященным в редакционные тайны «Искры» и «Зари», чтобы знать, что в этой редакционной коллегии скрывались два различных направления: одно — господствующее, другое — подавляемое. И те, с которыми так яро боролась «Искра»,—экономисты, это знали и видели. Сошлюсь на один факт.

Поход против экономизма, как известно, открыл Ленин, еще будучи в ссылке. Но про этот поход заграничные экономисты мало что слышали. Они знали лишь, что борьбу против них начала за границей группа «Освобожденне труда» — Плеханов и Аксельрод — и что эту борьбу продолжила «Искра». Как же заграничные экономисты расценивали эту борьбу против них на первом ее этапе, когда ее вела группа «Освобождение труда», и на втором, искровском, этапе, когда в нее включился Ленин, приехав за границу и организовав там «Искру»? В докладе делегации «Союза русских социал-демократов» II с'езду РСДРП, изданном Акимовым, мы можем прочитать следующие многозначительные слова: «Впрочем Союз всегда стоял на той точке зрения, что у него нет с группой «Освобожденне труда» принци-

пиальных разногласий, и не раз высказывал этот взгляд печатно. В настоящее время дело обстоит не так. Союз не только не разделяет взглядов «Искры» и «Зари» на «третий период» в прошлом русской социал-демократии, но и остальные взгляды далеко не все может принять» [1].

Утверждение союза, что «у него нет с группой «Освобождение труда» принципиальных разногласий», было конечно утверждение вздорное, вытекавшее из самой его оппортунистической природы. «Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой...» [2]. И Плеханов мог бы ответить на это утверждение Союза так, как он ответил Богданову в их споре о махизме: «Я Вам может быть товарищ, но Вы мне не товарищ».

Все это так. Однако остается факт, что экономисты могли уверять, что у них с Плехановым и Аксельродом нет принципиальных разногласий, а относительно «Искры» они этого уже никак не могли сказать и не говорили. А чем качественно отличалась по своему составу редакция «Искры» от группы «Освобожденне труда»? Тем, что в нее входил, кроме группы «Освобождение труда», еще... Ленин. Вот этот-то новый «элемент» коренным образом изменил химическую природу всей смеси. И Плеханов и Аксельрод боролись с экономистами, и Ленин с ними боролся. Но Ленин с ними боролся по-иному, выдвигая в процессе этой борьбы такие перспективы, намечая такие партийные задачи, которых не выдвигали и не могли выдвигать и намечать ни Плеханов, ни Аксельрод, ибо при всех своих больших исторических заслугах в прошлом, поскольку группа «Освобождение труда» в России впервые «теоретически основала социал-демократию и сде-

[1] Протоколы II с'езда РСДРП, стр. 469.
[2] Ленин, т. VI, стр. 329, изд. 3-е.

лала первый шаг навстречу рабочему движению» (Ленин), они в то время были уже скрытыми меньшевиками.

●

Я кончаю. Изучение II с'езда в связи с предшествовавшим ему искровским периодом с непререкаемостью доказывает, что нельзя рассматривать большевизм и меньшевизм как два направления, выросшие из одного общего корня — из искровства «вообще», что нельзя считать будто искровцы представляли прочное единство, которое на II с'езде «вдруг» раскололось на две качественно различные части — «большинство» и «меньшинство». Это было бы чудом.

В действительности дело было не так.

Большевизм и меньшевизм, как два политических течения и как две партии, возникли на II с'езде в переломную эпоху, про которую Ленин говорил: «Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка»; представители разных классов «выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв». Выступившие на историческую арену в этой обстановке кануна революции большевизм и меньшевизм с самого начала явились представителями разных классов. Будучи оба врагами царского самодержавия, выступая оба от имени рабочего класса и под знаменем марксизма, они тем не менее коренным образом отличались друг от друга как по своей действительной классовой основе, так и по своему действительному идейному содержанию.

В действительности большевизм был и есть революционно-пролетарское, марксистское направление, с самого начала сознательно державшее курс на диктатуру пролетариата, на непосредственное перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Соответственно этому большевизм преемственно связан с последовательным искровством, выразителем которого в старой «Искре» был Ленин и идеологические исто-

ки которого восходят к первым произведениям Ленина середины 90-х годов, к его книге «Что такое «друзья народа».

Меньшевизм же был оппортунистическим мелкобуржуазным направлением с марксистской фразеологией, фактически державшим курс на политическое подчинение рабочего класса либеральной буржуазии. Соответственно этому меньшевизм был направлением, бравшим идеологическое начало не от искровства, а от «особых мнений» Плеханова и Аксельрода в старой «Искре» и от их доискровских оппортунистических ошибок, а также от открытого оппортунизма экономистов.

Меньшевизм как оппортунистическое, эклектическое направление был течением, образовавшимся из слияния разных оппортунистических ручейков. Революционное же направление в русском социал-демократическом движении с самого начала до конца вылито было только и единственно из ленинского материала.

Когда оглядываешься теперь назад на эпоху II с'езда, то еще и еще раз видишь, какой титан был Ленин. Когда Ленин вернулся из ссылки в Россию, партия находилась в хаотическом состоянии; идеологический уровень наших разрозненных партийных организаций был гораздо ниже уровня социал-демократических партий Западной Европы. Даже одна из наиболее передовых тогда партийных организаций — екатеринославская—в своих мечтах не шла тогда дальше того, чтобы механически об'единить партийные организации на с'езде и построить партию обычного социал-демократического типа. Но и это казалось тогда слишком смелым другим комитетам, зараженным экономизмом. А между тем революция быстро надвигалась, и от состояния нашей партии зависела судьба революции.

В таких-то условиях Ленин задумал свой план «Искры», из которой возгорится пламя», свой план поднятия партии на небывалую высоту, создания партии нового типа. И Ленин этот великий план выполнил в кратчайший срок, данный нам историей: когда грянула рево-

люция 1905 г., рабочий класс России уже имел свою большевистскую партию.

Это была всемирно-историческая заслуга Ленина. Героическая борьба Ленина за создание большевистской партии заслуживает самого тщательного изучения со стороны наших братских компартий, часть которых в деле большевизации еще далеко не поднялась до уровня задач, поставленных перед ними надвигающимся вторым туром революций и войн.

Всемирно-исторической заслугой Ленина был раскол его с попутчиками на втором с'езде во имя сохранения и организационного закрепления принципов старой ленинской «Искры».

Когда попутчики Ленина в староискровский период—Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов, а затем и Плеханов, переметнувшийся на сторону меньшевиков, подняли бунт против решений второго с'езда, Ленин не пошел ни на какие компромиссы, ни на какое соглашение с бунтовщиками. Он громил колебания примиренцев-цекистов (Носков, Красин, Гальперин, Гусаров, Кржижановский), не смущался тем, что он остался совершенно изолированным в «партийной аристократии». Несмотря на то, что меньшевикам удалось после с'езда Заграничной лиги захватить все руководящие органы партии — центральный орган партии, «Искру» и Совет партии, а затем и ЦК партии, он твердо стоял на своем и, пойдя на раскол, вышел победителем, получив поддержку в низах, со стороны большинства местных комитетов партии. Кроме Ленина мало кто даже из его сторонников тогда понимал всю глубину принципиальных разногласий, которые скрывались за спорами на с'езде по организационному вопросу — § 1 устава, о «тройке» и «шестерке», никто, кроме Ленина, тогда не понимал всей неизбежности и закономерности раскола.

Укажу хотя бы на один маленький, но весьма характерный факт. Накануне второго с'езда т. Лалаянц, вернувшись из ссылки и приехав в Женеву, вступил в Заграничную лигу. Он в с'езде партии не участвовал, но, будучи сторонником Ленина, он сейчас же после с'езда

по поручению Ленина поехал на юг России, чтобы поднять там борьбу за созыв третьего с'езда, и выполнил это, организовав Южное бюро комитетов большинства. И вот этот самый Лалаянц, который был в эпоху II с'езда активным сторонником Ленина, через много лет, в 1931 г., когда картина прошлого уже была совершенно ясна, писал о втором с'езде:

«Наконец-то открылся этот так долго ожидавшийся и так тщательно приготовлявшийся с'езд... Всеми чувствовался какой-то под'ем, и ничто, решительно ничто не предвещало каких-либо непредвиденных печальных событий (подчеркнуто мною.— А. М.)... Так казалось всем нам — неучастникам с'езда, да так, вероятно, думали и сами с'ездовцы. К сожалению (подчеркнуто мною. — А. М.), на деле вышло не совсем так»[1].

Итак, в 1931 г. бывший сторонник Ленина пишет о расколе на II с'езде с сожалением как о печальном событии.

План «Искры», задуманный и осуществленный Лениным, и раскол на II с'езде, происшедший благодаря твердокаменному отпору, который он дал взбунтовавшимся попутчикам-оппортунистам, свидетельствуют о его несокрушимой энергии и гениальной дальновидности.

Взбунтовавшиеся против Ленина мелкобуржуазные социалисты на втором с'езде заложили основание меньшевистской партии, которая, вступив в 1905 г. на путь коалиции с либеральной буржуазией, превратилась во время войны в партию социал-патриотов, в 1917 г. перешла к поддержке контрреволюции, а затем, будучи выброшенной из пролетарской Страны советов, превратилась в маленькую кучку приживалок при разлагающемся социал-фашистском Интернационале.

А партия большевиков, возникшая в результате раскола 1903 г., осуществила ленинский завет 1894 г., под руководством Ленина прошла через две революции, одержала великую Октябрьскую победу и основала

[1] И. Лалаянц, У истоков большевизма, вып. II, стр. 13.

Коммунистический Интернационал, под руководством его лучшего ученика великого Сталина построила фундамент социализма и под лозунгами «с'езда победителей»—XVII с'езда ВКП(б) разворачивает работу по непосредственной организации бесклассового общества в СССР — ударной бригаде мирового пролетариата.

Редактор Д. Ораницкий. Техредактор В. Лукьянович.

Сдано в производство 28/XII 1933 г. Подписано к печати 25/V 1934 г. Формат 72×105 1/32 л. 3 1/8 п. л. 32400 зн. в п. л. Уполн. Главл. Б — 35787. Партиздат № 2133. Тираж 5 000 экз. Зак. тип. № 523. Текст отпечатан на бумаге ф-ки им. Ярославского. Обложка — на бумаге ф-ки „Совок".

Тип. изд-ва «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9.